

Всем сестрам по мозгам

Автор:

[Дарья Донцова](#)

Всем сестрам по мозгам

Дарья Донцова

Татьяна Сергеева. Детектив на диете #13

Хорошо, когда тебя зовут Татьяна Сергеева, – дам с такими данными пруд пруди! Вот Танюша и прибыла в особняк фокусника Мануйлова под видом своей тезки – скромной преподавательницы, получившей приглашение от циркача. Чародей зазвал к себе уйму гостей – претендентов на его нехилое наследство! Якобы старичок собирается отойти в мир иной, вот и готов передать миллионы в хорошие руки. Но хозяин весьма не прост! Тане удалось подслушать, как Мануйлов сразу двум гостям по очереди поведал, что он их отец! Маг слезно просил вернуть некие книжечки с золотыми страницами, которые у него коварно похитили мамыши внебрачных дочек. Дальше – хуже: Татьяна обнаружила одну из претенденток в фонтане с пробитой головой... А вскоре она и сама услышала шокирующее признание: ее настоящий отец не кто иной, как дворецкий Мануйлова Карл!

Дарья Донцова

Всем сестрам по мозгам

Глава 1

Если хочешь понять, что вещь тебе абсолютно не нужна, купи ее!

Я с недоумением смотрела на небольшой, размером с авторучку, приборчик и задавала себе вопрос: ну в какую командировку уехал мой ум, когда я его покупала? Зачем мне это? И ведь штукавина стоит почти шесть тысяч рублей! Каким образом продавец ухитрился убедить меня раскошелиться? А знаете, что это такое? Электронный выщипыватель бровей, которым можно управлять через Интернет. Ни больше ни меньше. Как я приобрела сей механизм? О, эта история достойна отдельного рассказа. Я отправилась в торговый центр, чтобы купить новую кофемолку – прежняя, к сожалению, приказала долго жить, проработав всего пару месяцев. Вероятно, в столь скорой поломке бытового прибора виновата я сама: не следовало измельчать в нем до состояния пудры гречневую, пшеничную и рисовую крупы. Но я, чтобы выглядеть посимпатичнее, решила делать перед сном маски для лица, вот и замучила до смерти несчастный прибор. В магазине была тьма хорошей бытовой техники, только мне, жадине, кофемолки за две тысячи показались слишком дорогими, и я надумала поехать на Горбушку.

Если честно, это совсем глупая идея. Собственно, с чего мне пришло в голову, что на другом конце Москвы цены окажутся ниже плинтуса? Также стоило вспомнить о бензине, который мой внедорожник жрет, как оголодавший крокодил цыплят. Учитывая стоимость топлива, заплатить за товар придется в два раза больше, да еще предстоит кучу времени торчать в пробках. Оригинальная получается экономия. И все же я, придавленная своей жадностью, поспешила к выходу из торгового центра. Однако была перехвачена лучезарно улыбающимся парнем, который в два счета объяснил, что электронный выщипыватель бровей мне необходим, как мать родная.

– Он компактный, с пятью захватывающими устройствами, электричества потребляет на копейки, удобен в любой ситуации, особенно незаменим в командировке, – соловьем пел дилер. – Бровещипом можно пользоваться в ресторане, кино, театре, на прогулке, в том месте, где нужно хорошо выглядеть. Ну представьте, у вас, например, романтический вечер на природе. Любимый готов предложить выйти за него замуж, а у невесты брови, как у носорога! Что делать? С нашим прибором эта проблема решится вмиг – спрячетесь за кустик, вжик-вжик-вжик, и выходите красавицей. А какая экономия времени! Едете домой, хотите облагородить брови, но нет времени ждать, пока прибор нагреется? Не расстраивайтесь, производитель подумал о работающих женщинах. Заходите в Интернет, вбиваете адрес своего бровещипа и отправляете ему приказ: включайся. И когда вернетесь домой, устройство встретит вас в прихожей с распростертыми объятиями, то есть, простите, с

разогретыми дергательными зажимами. Правда, данная услуга будет доступна, по расчетам создателей прибора, лет через пятнадцать. Но ведь как прикольно!

Парень просто загипнотизировал меня. Иначе чем еще можно объяснить мой поступок, когда я, словно крыса под звуки дудочки, потопала к кассе и, не колеблясь, отдала шесть тысяч рублей?

Но вот что самое интересное. Собираясь в командировку, я сунула-таки в сумку недавно купленную коробочку и только сейчас, намереваясь отправиться на завтрак, спросила себя: «Танюша, за каким чертом тебе сия фигня?»

В дверь постучали. Я быстро засунула нелепое приобретение под подушку и крикнула:

– Войдите.

В спальню заглянула горничная. Сильно хромая, она дошла до шкафа, сделала книксен и неожиданно покраснела.

– Госпожа Сергеева, завтрак подан. Меня зовут Светлана. Разрешите убрать вашу комнату сейчас или лучше привести ее в порядок позднее?

Я смутилась.

– Спасибо, Светлана... э... э... А как ваше отчество?

Женщина снова сделала книксен.

– Просто Светлана, пожалуйста.

– Тогда зовите меня Татьяной, – попросила я. – Занимайтесь уборкой в любое время.

Горничная опустила глаза.

– Хорошо, госпожа Татьяна. Все, как вы пожелаете. С вашего разрешения, я пойду оповещу господ Реутовых о сервированном завтраке. Вам что-нибудь надо?

Светлана выжидательно смотрела на меня, а я на нее. Согласитесь, очень неудобно, когда женщина отнюдь не юного возраста поминутно приседает перед тобой и упорно именуется тобой госпожой. Наконец я сообразила, что прислуга ждет ответа на свой вопрос, и пробормотала:

– Спасибо. Мне ничего не нужно.

– Разрешите идти? – осведомилась горничная.

– Пожалуйста, – кивнула я.

– Когда понадобится, нажмите на кнопку в изголовье кровати, – лучезарно улыбаясь, произнесла Светлана. – Приятного вам завтрака.

Сделав очередной реверанс, она испарилась. Похоже, у нее болит правая нога, горничная старалась осторожно ступать на нее.

Я быстро причесалась и пошла по коридору в ту сторону, откуда раздавались голоса.

Едва я устроилась на стуле, как высокий худой, совершенно седой мужчина, сидевший во главе стола, громко сказал:

– Доброе утро, господа. Хочу объяснить, зачем собрал вас здесь вместе. Мое имя Сергей Павлович Мануйлов, я не женат, не имею детей или каких-либо других близких родственников. Детство мое прошло в приюте, но я благодарен судьбе, научившей меня стойкости и умению бороться с жизненными трудностями. Как знать, что бы случилось со мной, не погибни мои родители в автокатастрофе много лет назад. Скорее всего, я бы счастливо жил в крохотном селе дальнего Подмосковья, окончил среднюю школу, пошел работать на автобазу, как мой отец, а сейчас бы уже, вероятно, лежал в могиле, досрочно отправленный туда национальной русской болезнью под названием «алкоголизм». Но привычное течение жизни оборвала продавщица сельпо из городка Грязево, которая

Первого мая, нарушив тогдашний советский закон, запрещавший торговать в праздники водкой, отпустила бутылку дешевого пойла моему отцу, Павлу Мануйлову. Тот, человек не жадный, приехав домой, угостил свою жену Алевтину. Супруги развеселились и решили продолжить банкет. Они оседлали семейный мотоцикл и поехали в Грязево за добавкой, прихватив с собой сына, дабы не оставлять его одного дома.

Рассказчик обвел взглядом слушателей и продолжил повествование, периодически говоря о себе в третьем лице:

– Момента аварии я не помню, был слишком мал. Да и если бы помнил, поведать о том, что случилось на шоссе, не смог бы по причине внезапно наступившей немоты. Да, да, у меня пропала речь. И спасибо доктору, которая, осмотрев вышедшего из больницы ребенка, сделала вывод, что он идиот, и отправила его в специализированный интернат для детей с проблемами развития. Моя судьба – сплошной фарт: выжил в катастрофе и не попал в обычный подмосковный детдом. Меня взял под свое крыло профессор Кириллов, который поставил перед собой благородную цель – возвращать речь людям. Ученый создал лабораторию, где испытывал на больных разные методы шоковой терапии, полагая, что сильный испуг поспособствует исцелению. К примеру: если человек внезапно ночью увидит крысу, он закричит: «Спасите!» – и речь вернется. Кириллов изощренно пугал своих подопечных, среди которых были и дети.

– Оригинально, – не удержалась я от комментария.

Сергей Павлович посмотрел на меня.

– Согласен. Но такое уж тогда в советской стране было время. Немота, по мнению педагогов и докторов, не считалась болезнью, и если ребенок физически здоров, но не может изъясняться, он лентяй, хулиган, капризник. Ладно бы я ничего не слышал, тогда бы попал к глухонемым детям. Да только со слухом у меня все было в порядке! И таких, как я, подвергали наказаниям. О науке под названием «психология» советская педагогика предпочитала не знать. Кнут и пряник – вот примитивное оружие тогдашних воспитателей. Если мальчик старательно учится, слушается старших, аккуратно одет, ему положена конфета. Если наоборот, то он плохой, и для него припасен ремень. А профессор Кириллов считал таких, как я, больными и лечил. Хорошо помню, как меня привели в большую ярко освещенную комнату, за окнами которой расстился залитый летним солнцем сад. Там сидел добрый дядя, который очень ласково

побеседовал со мной и сказал: «Ты теперь будешь жить с нами. В уютной спальне тебя ждет мягкая постель, в библиотеке много прекрасных книг, в игровой масса машинок, к чаю у нас подают вафли, а сейчас ты можешь пойти во двор, нарвать яблок сколько хочешь. Вон там дверь на террасу». Наивный, полный радостного предвкушения, я бросился к створке, распахнул ее, шагнул – и неожиданно очутился в абсолютно темном помещении. И тут же мне на голову хлынула ледяная вода.

– Вот мерзавец этот профессор! – снова не удержалась я. – Да он издевался над детьми!

Хозяин дома усмехнулся.

– Вы не правы. Спасибо Кириллову, в конце концов я научился разговаривать и оказался в московском детдоме. А дальше уже другая история, и я не стану утомлять вас деталями своей биографии. Перейду к цели нашего сегодняшнего собрания. Сейчас я умираю. Ничего особо трагичного в данном факте нет, всем когда-то придется уйти из жизни. Врачи не могут сказать точно, сколько мне еще осталось, ясно одно: к следующему лету кто-то из вас станет наследником моего состояния.

Над столом пронесся общий вздох. Сергей Павлович улыбнулся:

– Разрешите продолжить? Не могу назвать себя самым богатым человеком на земле, но кое-какие материальные ценности у меня есть. Вот этот двухэтажный дом, в котором мы находимся. Затрудняюсь назвать его цену, но, учитывая участок, обстановку, библиотеку, разные интерьерные штучки, полагаю, миллионов семь-восемь или даже девять.

– Рублей? – уточнила женщина, сидевшая напротив меня. – Большие деньги-то!

– Замолчи, – процедил мужчина в крикливом клетчатом пиджаке.

– Что не так, Леня? – взвилась дама. – Я просто спросила. Интересно же.

– Абсолютно согласен с вами, Жанна, – кивнул хозяин дома. – Включаясь в соревнование, надо выяснить размер приза.

– Соревнование? – повторил Леонид. – Не понял.

– Давайте не будем горячиться, – спокойно продолжил Сергей Павлович, – сейчас вы представите картину полностью. Кроме особняка и земли, у меня есть несколько банковских счетов, суммы на которых я озвучивать не стану, плюс разные мелочи вроде машины и небольшой яхты. Но самое главное – патенты. Дом состарится и развалится, деньги истратятся, автомобиль и яхта придут в негодность, а вот авторские права продолжат кормить наследника, его детей и внуков. Только, как вы уже успели понять, я не обзавелся потомством, а отдавать заработанное тяжким трудом государству не собираюсь, поэтому и решил созвать вас. Каждый из присутствующих здесь получил мое приглашение.

Сергей Павлович взял со стола конверт, вынул из него лист бумаги и торжественно прочитал:

– «Уважаемый имярек, господин Мануйлов имеет честь пригласить вас в гости в свой дом, находящийся в живописном месте ближайшего Подмосковья. Надеюсь, вы не откажетесь провести две недели в компании приятных людей, наслаждаясь изысканной кухней и элитарным общением. Мне будет особенно приятно встретиться с вами, так как я хочу назначить вас своим наследником. Все подробности изложу при нашей встрече. Пожалуйста, возьмите с собой паспорт, он понадобится при оформлении документа...» Ну и так далее.

Мануйлов сложил листок и сунул его в карман. Затем продолжил:

– Когда-то ваши родственники помогли мне – кто словом, кто делом. Одни дали кусок хлеба, другие похвалили, третьи были жестоки, но тем самым преподнесли мне хороший жизненный урок. Пожалуй, последним я благодарен больше, чем остальным, поскольку именно они сделали из глупого, наивного мальчика настоящего стойка, способного идти к цели, не обращая внимания ни на какие физические или моральные трудности. Итак, в течение двух недель я буду к вам присматриваться, потом сделаю выбор, назову имя того, кому достанется наследство. Все указанное время вы должны жить здесь. Упаси вас бог считать себя пленниками! Дом, сад, любые хозяйственные постройки открыты для обозрения. Гуляйте, купайтесь, загорайте, катайтесь на велосипедах, наслаждайтесь едой, вином, берите в библиотеке книги, DVD-диски. Интернета здесь нет, поэтому выйти в Сеть вы не сможете. И особняк построен в таком месте, где не работают сотовые телефоны. Если в какой-то момент вам надоест мое гостеприимство, только скажите – к дверям немедленно

подадут машину и отвезут вас, куда вы пожелаете. Но! Покинув дом до истечения оговоренного срока, вы автоматически выбываете из списка претендентов на наследство.

Сергей Павлович обвел присутствующих взглядом.

– Деньги мне достались, повторяю, тяжелым трудом, и я хочу, чтобы ими после моей смерти распоряжался достойный человек. Назову несколько видов двуногих, к которым я испытываю презрение, прежде всего это трусы и вруны. Тот, кто сбежит из дома, будет причислен мною к категории слабых людишек сродни дезертирам, а значит, ни особняка, ни всего остального ему никогда не видать. Еще раз говорю: вы абсолютно свободны, у каждого есть выбор – бороться за наследство или сдаться, уехать прочь ни с чем.

– Сомневаюсь, что кто-либо не сможет прожить пару недель в роскошных условиях, – громко произнес мужчина, по выправке похожий то ли на артиста балета, то ли на военного, то ли на человека, которого строгие родители заставляли в детстве часами стоять, прислонившись спиной к стене, чтобы выработать прямую осанку.

– Вы правы, Николай, – улыбнулся Сергей Павлович. – Но все люди разные, одному неважно даже в легкий дождик пройти по улице без зонта, а другой в проливной ливень обойдется без плаща.

– Я лично ни за что не уеду! – гордо заявил Николай.

Жанна по-детски подняла руку:

– У меня вопрос.

– Не стоит начинать базар, – протянул Леонид.

– Ты здесь не хозяин! – огрызнулась его жена. И обратилась к Мануйлову: – У меня в приглашении нет ни слова о том, что вы созываете кучу наследников. Я поняла, что являюсь единственной, кому вы собрались передать наследство.

– Здесь написано «провести две недели в компании приятных людей», – подала голос коротко стриженная женщина, – следовательно, гостей предполагалось много.

– Ну и где сказано, что они претенденты на имущество? – надулась Жанна Реутова. – Не знаю, как у вас, а у меня текст заканчивается фразой: «Будучи человеком бездетным и не семейным, я намерен передать все свое состояние в руки достойного человека, который правильно им распорядится». По-моему, предельно ясно – Сергей Павлович задумал осчастливить именно меня. А теперь выясняется, что кандидатов много и речь идет о соревновании! Что делать-то придется? Почему нас заранее не предупредили о конкурсе?

Глава 2

Мануйлов поднял руку, останавливая даму.

– Дорогая Жанна, я просто хочу познакомиться с претендентами поближе. Полагаю, четырнадцати дней хватит, чтобы выяснить, кто из вас больше подходит на роль моего преемника.

– Как на рынке, да? – слегка повысив голос, прищурилась Реутова. – Пришли покупать яблоки и прицениваетесь-присматриваетесь, где подешевле, какие с бочка?ми?

Муж дернул ее за руку, но, похоже, Жанна из тех, кто, собравшись высказать человеку правду в лицо, не остановятся, невзирая ни на какие обстоятельства. Жест супруга не отрезвил ее, она заговорила еще быстрее:

– Должны быть правила, как в футболе. Иначе ведь будет непонятно, кто выиграл. Где судья или жюри? Какие испытания нас ждут? Сколько победителей предполагается?

– Наследство отойдет в одни руки, – пояснил Сергей Павлович.

– Но это несправедливо! – не успокаивалась Жанна. – Обычно вручают золотую, серебряную и бронзовую медали.

– Леонид, уймите жену! – гаркнул Николай. – От ее визга голова кружится.

– Нет, нет, – быстро вмешался Сергей Павлович, – в моем доме каждый ведет себя, как пожелает. Если кому-то не по душе общение с другими гостями, он может покинуть особняк. Да, еще маленькая деталь: я не переношу запаха дыма. Среди вас есть любители сигарет?

– Нет, – быстро ответила Реутова.

Но ее муж сказал:

– Я курю. Ничего, буду дымить только на улице.

Мануйлов улыбнулся:

– Хорошо. Господа, пейте кофе и непременно попробуйте кекс, его испекли специально к завтраку.

– То есть вы наградите того, кто вам понравится? – тихо спросила стройная женщина. – В этом и есть соревнование? Мы должны вам угодить?

Я невольно задержала взгляд на говорившей. Поверьте, я не ханжа и понимаю, что этой даме хочется похвастаться своей красивой фигурой. Но всему же есть предел! Гостья, задавшая вопрос, выглядела вульгарно – на ней была ярко-красная, туго облегающая тело кофточка-стрейч с таким глубоким вырезом, что из него вываливался бюст, а лифчик красotka не надела. Наверняка и юбка у нее размером с почтовую марку. Под стать наряду и прическа – копна круто завитых локонов, украшенная большой блестящей заколкой. В губы незнакомка явно вкачала гель, у нее татуированные брови, плюс наращенные, длиной с палец ресницы. И она, собираясь завтракать, нанесла на лицо яркий вечерний макияж. Ногти у дамы смахивают на когти медведя, покрыты пронзительно алым лаком, так что издали кажется, будто она опустила кончики пальцев в свежую кровь. Мне стало жаль дурочку. Ей явно хотелось выглядеть юной и модной семнадцатилетней девушкой, оделась и накрутилась она по указке гламурных

журналов, а результат оказался плачевным. Боевой раскрас и то, что глянец называет «секси-платье», превратили эту особу в карикатуру.

– В некотором роде, Анна, вы правы, – кивнул Сергей Павлович, – но хочу сделать небольшое уточнение. Я должен почувствовать с человеком духовную связь или найти в нем родственную душу. А может, обнаружится и кровное родство. Видите там, на комод, портреты?

Я прищурилась. На полированной поверхности между двумя серебряными канделябрами с длинными белыми свечами стояла пара рамок со старинными фотографиями. Мне бородатый пожилой человек в старомодном наряде и дама в платье начала двадцатого века почему-то показались смутно знакомыми. Мануйлов тем временем продолжал:

– Это мой дед и его жена. Единственные семейные снимки, оставшиеся у меня. Не теряю надежды когда-нибудь узнать, как звали моих родственников.

Во мне некстати проснулся сотрудник особой бригады:

– Эти люди выглядят как представители дворянского сословия, а вы говорили, что появились на свет в небольшом подмосковном селе в семье алкоголиков.

Сергей Павлович резко повернулся ко мне.

– Татьяна, начиная с тысяча девятьсот семнадцатого года дворянство планомерно уничтожалось большевиками. К управлению государством пришли кухарки, затем их потомки. Как все малообразованные люди, они хотели побыстрее забыть о своем холопском происхождении, поэтому расстреливали тех, кому ранее служили. Полагаю, мои дед и бабка попали в горнило революции, а их дети и внуки не смогли противостоять обстоятельствам, сломались, начали спиваться и докатились до грязной избы в убогом селе. Увы, сей путь прошли в социалистической России многие некогда богатые и знатные люди. У меня в жилах течет мало рабоче-крестьянской крови.

– Как вы это определили? – удивилась я. – Рассказать вам о вашей семье было некому.

– Генетика, мой друг, – чуть снисходительно улыбнулся хозяин дома, – она говорит без слов. Покажите свою руку.

Я удивилась, но положила кисть на стол.

– Вот у вас предки, похоже, были пролетариями, – объявил Мануйлов.

– Вовсе нет, – с легким злорадством возразила я.

– И кто же ваши батюшка с матушкой? – осведомился Сергей Павлович.

По моей спине пробежала волна озноба.

– Папа, Андрей Хрюкин, пел на эстраде, исполнял советские патриотические песни. Мама тоже актриса. До моего рождения она работала в цирке с номером «девочка-каучук» – гнулась в разные стороны, складывалась буквально вчетверо, если не вшестеро, могла улечься в небольшую коробку. Публика восторженно встречала Зою Сергееву. Особый успех имел ее номер с воздушным шариком. Мама делала стойку на руках, перегибалась в поясице и замирала в этой позе. Потом ассистент подавал ей лук, она ногами натягивала тетиву и стреляла в воздушный шарик, который на противоположной стороне арены держал помощник.

– Неужели попадала? – любопытствовала Жанна.

– Всегда! – гордо воскликнула я. – Ни одного промаха!

– Снайпер, блин, – пробурчал Леонид Реутов. – Какой только ерундой бабы не занимаются.

Я тут же обиделась.

– А вы попробуйте! Думаю, не сможете и при помощи рук справиться с луком. Это только кажется, что тут ничего сложного нет, а на самом деле необходимы ежедневные тренировки и талант.

Мануйлов рассмеялся.

– Татьяна, неприятно вас разочаровывать, но то, о чем вы рассказали, является простейшим, примитивным фокусом. Вашей многоуважаемой матушке не надо было обладать талантом Робин Гуда и шлифовать свое мастерство стрелка по десять часов в сутки. Шарик лопался при любом раскладе, даже в случае промаха.

– Почему? – не понял Николай.

– У ассистента была маленькая иголочка, которой он его и прокалывал, – пояснил хозяин. – На самом деле в этом номере главная роль отводилась помощнику, потому что тот должен ткнуть в шарик в нужный момент, ни на секунду раньше или позже. И еще от него требовалось правильно встать на сцене, чтобы зритель не заметил, куда в реальности попала стрела.

– Моя мама была гениальной акробаткой, – сердито произнесла я. – Она умерла, некрасиво обвинять покойницу в мошенничестве. И если вы полагаете, что легко выступать с номером «каучук», то сядьте на шпагат или сделайте элементарный мостик.

Мануйлов прижал обе руки к груди.

– Друг мой! Ни в коей мере я не хочу умалить талант Зои Сергеевой. И я действительно не сумею выполнить ни одну из гимнастических фигур, давно, увы, потерял хорошую физическую форму. Да я и на одной ноге не устою!

– Я тоже, – захихикала Жанна. – Мигом свалюсь и отобью задницу.

Леонид покраснел и дернулся, Жанна ойкнула и уставилась на супруга. Похоже, тот сейчас больно пнул под столом жену.

– Но мы слегка отвлеклись, – сказал Сергей Павлович, – речь шла о происхождении человека, а не о его профессии. Татьяна, пусть ваши маменька и папенька преданно служили искусству, но посмотрите на кисти своих рук.

– А что с ними не так? – фыркнула я.

Лицо Мануйлова озарилось улыбкой.

– Прекрасный маникюр, кажется, он носит название французского, очень элегантно. Но, Татьяна, у вас широкая кость, короткие пальцы, ладонь квадратная. Ногти тщательно опилены, им придана миндалевидная форма, хотя, полагаю, до похода в салон ваши коготки были не особенно изящны. Такие руки свидетельствуют о том, что поколения ваших предков занимались тяжелым физическим трудом, например, копали землю, таскали мешки или ковали железо. Пусть Зоя и Андрей выступали на эстраде, но у них были родители. Кто ваши дед и бабка с материнской и отцовской стороны?

– Не знаю, не встречалась с ними, – ответила я.

– А у меня другие ручки, – просюсюкала Анна. – Вот, гляньте, запястье, как у цыпленка!

Она вскочила, обогнула стол и положила свою ладошку возле моей.

– М-да, вы смотрите вместе, как орангутанг и птичка, – бестактно брякнула Жанна.

Я быстро спрятала руку под столешницу, Анна радостно захлопала в ладоши.

– Значит, я благородных кровей.

– Или из стаи воров, – неожиданно высказался Николай.

Гламурная красотка сделала обиженную гримаску.

– Почему? Я не беру чужое.

– Ты нет, а вот твои предки могли тырить из карманов раззяв кошельки, – с серьезным видом продолжал Николай. – Для такого бизнеса как раз нужны крошечные, проворные лапки. Ну прям как твои.

– Простите, можно чаю? – подала голос дама неопределенных лет, сидевшая по левую руку от Жанны.

– Конечно, Раиса Ильинична. О, нам не подали питье! – спохватился хозяин, взяв телефон, лежавший возле его тарелки. – Карл, где же чай?

Спустя пару секунд дубовая дверь столовой медленно растворилась, и появился мужчина пенсионного возраста, на нем были черный костюм, белая рубашка и ярко-синий галстук. Пиджак оказался явно велик ему, а брюки, наоборот, коротки, а обут слуга был не в ботинки, а в мягкие, сильно разношенные тапочки. В руках он держал поднос.

– Чай подан, – торжественно объявил он. – Куда положить чайник?

– Его лучше поставить, – захохотала Жанна.

Глаза слуги забегали из стороны в сторону, и он повторил:

– Куда чайник деть?

Сергей Павлович поджал губы, затем ровным тоном произнес:

– Карл, налейте гостям напиток.

Лакей округлил глаза, шагнул вперед, зачем-то обогнул стол, встал позади меня, и я ощутила исходящий от него запах ванили. Слуга неожиданно оглушительно чихнул. В то же мгновение по моей спине потекла вода.

– Простите... умоляю, извините... я не нарочно, случайно пролил... – забормотал Карл, – не понимаю, как это вышло, сейчас вытру...

– Боже, он обварил ее кипятком! – закричала Анна.

– Нет, нет, – бубнил слуга, – чаек холодный, даже приятно в этакую жару остудиться. В столовой-то душно. Сергей Павлович болеет, кондиционера у нас нет, чтобы он не простудился. Никакого ожога не будет, получилось что-то вроде приятного душа.

– С сахаром и лимоном, – захихикала Жанна.

- Нет, там просто заварка, - возразил Карл.

Я пошевелила лопатками, пытаюсь отлепить намокший шелк от спины. Затем тяжело вздохнула. Насколько знаю, следы от чая не отстирываются, значит, прощай, красивая блузка цвета слоновой кости, придется ее выбросить.

- Пожалуйста, не сердитесь, - взмолился слуга, глядя на меня. - Хотите, подам вам кофе?

- Она просто мечтает о капучино, - язвительно высказалась Реутова, - его надо вылить Маше на юбку, для симметрии.

- Меня зовут Таня, - поправила я.

- Прости, кисонька, - улыбнулась Жанна. - Маша, Клава, Рая, Таня... Вечно я деревенские имена путаю.

Сидевшая напротив Реутовой Раиса Ильинична отложила вилку и посмотрела на хозяина.

- Сергей Павлович, почему вы молчите? Велите вашему домработнику... Ой! Что с ним?

Я взглянула на хозяина, вмиг забыла про испорченную блузку и бросилась к нему.

- Вам плохо?

Мануйлов попытался сделать вдох, потом начал странно дергать рукой, явно желая достать что-то из кармана пиджака, но трясущиеся пальцы не слушались. Я быстро залезла в его карман, вытащила ингалятор, поднесла ко рту Сергея Павловича и нажала на верхнюю часть прибора. Раздалось короткое шипение. Хозяин дома втянул в себя воздух, расслабился, взял у меня лекарство и прохрипел:

- Спасибо, Татьяна, вы очень догадливы.

– Вообще-то я не отличаюсь большой сообразительностью, – улыбнулась я, – но одна из моих знакомых астматик, поэтому я поняла, что с вами происходит. А если у человека проблемы с дыханием, он непременно носит при себе ингалятор.

– Очень вам благодарен, – повторил Мануйлов. – Карл, что случилось? Ты меня взволновал до припадка! Прекрасно знаешь, что чуть я понервничаю, и астма душиТЬ начинается.

– Ну, я того, пролил... не хотел... вообще ни на секунду не хотел... и не собирался... – талдычил лакей.

– Скройся с глаз, пусть чай подаст Светлана, – распорядился хозяин. – Татьяна, мне очень жаль, что этот недотепа испортил вашу одежду. Естественно, ее выстирают, отгладят и вернут вам в первозданном виде. Еще раз примите мои глубочайшие извинения.

– Никогда не любила эту блузку, – весело откликнулась я, – цвет неподходящий, и она мгновенно мнется. Теперь есть повод ее выкинуть, а то раньше жалко было избавиться от нее.

– На фига ты ее покупала? – скривилась Жанна. – Денег много, да? Можешь себе позволить тратить их, не думая? И зачем тебе тогда наше наследство?

Я сделала вид, что не слышу Реутову, и встала со словами:

– Пойду переоденусь.

Глава 3

Вернувшись в свою комнату, я первым делом взяла мобильный телефон и убедилась, что на экране появился значок «вне зоны действия сети». Затем села на кровать. Вот вам научно-технический прогресс! Если кто-то вырубит электричество, в мире наступит коллапс. И что будет делать человечество, оказавшись без Всемирной паутины? Впрочем, во времена моего детства никто о блогах, твиттере и имейле даже не мечтал. У многих телефоны были

стационарные, а радиотрубки редких счастливых случаев начинало глючить, стоило выйти с ними из квартиры на лестничную клетку. И ничего, все были довольны.

Я встала и сняла блузку. Хватит философствовать на пустом месте, надо подумать, как связаться с Антоном. Телефон превратился в бесполезный кусок пластмассы, а этого никто не ожидал. По какой причине ни мне, ни Котову не пришло в голову, что в доме отсутствует сотовая связь? Спросите что-нибудь полегче, я не знаю. Может, все из-за того, что операция готовилась в условиях спешки, и о том, что мне придется ехать к Сергею Павловичу Мануйлову, не знал никто, кроме нас с Антоном? Мы не советовались с коллегами и не учли всех нюансов. Сейчас остальные члены бригады полагают, будто я нахожусь в отпуске. Котов великолепный специалист, опытный руководитель, но он тоже способен допустить ошибку. И еще. Татьяна Сергеева не совсем точно нас с Антоном проинформировала. Она сказала... Стоп! А то вы сейчас окончательно запутаетесь. Давайте начну от печки, объясню, каким образом я очутилась у Мануйлова и почему вспоминаю про какую-то еще Татьяну Сергееву.

Некоторое время назад Антон попросил меня забрать у одного своего приятеля небольшую посылочку, которую тот привез из-за границы. Меня удивила просьба начальника (до сих пор он ни разу не использовал сотрудников как личных курьеров), но, естественно, я спорить не стала. Прибыла к восьми вечера по указанному адресу, позвонила в дверь и увидела на пороге... Антона. Все сразу встало на свои места: Котов пригласил меня на конспиративную квартиру. В распоряжении бригады есть несколько таких, но именно об этой я не знала.

На маленькой кухне, кроме нас с начальником, оказались еще двое – дорого одетый мужчина по имени Феликс Головин и милая, может, чуть излишне полноватая женщина, которую звали Татьяна Сергеева. Я совершенно не удивилась, когда нас представили друг другу. Если бы меня звали «Австралия Бугульмуновна Ударьвнос», можно было прийти в изумление, встретившись с тезкой. Но сочетание «Таня Сергеева» так же эксклюзивно, как Галя Петрова или Маша Васильева. То, что Феликс близкий приятель Антона, стало понятно сразу – они были на «ты». А вскоре улеглось и мое удивление по поводу таинственности встречи. Как правило, те, кто нуждается в нашей помощи, приходят в офис, но эта пара не хотела туда являться. Феликс давно и прочно женат, Татьяна не первый год была его любовницей, он не желал, чтобы законная супруга узнала о его связи, и шифровался, прямо как профессиональный шпион.

И каким только образом Феликс ухитрился так долго вести двойную жизнь и ни разу не проколоться?

Нина, жена Головина, давно обитает в Италии. В начале девяностых, когда Феликс начал поднимать бизнес и неожиданно разбогател, на него несколько раз покушались киллеры, нанятые конкурентами. Времена тогда в России были темные, многие вопросы бизнесмены решали не за столом переговоров, смакуя прекрасно сваренный кофе, а на «стрелках», где часто открывали пальбу из всех видов оружия. Головин в ту пору имел репутацию бесшабашного человека, авантюриста и удивительного везунчика. Один раз наемный убийца выстрелил в его машину из какой-то штуки вроде базуки. Автомобиль, водителя и двух охранников разнесло в клочья. А что Феликс? Можете не верить, считать эту историю выдумкой, но когда к месту происшествия, воя сиренами, примчались спецмашины, Головин без единой царапины сидел на бордюре тротуара и отчаянно матерился.

На вопрос обомлевшего врача «Скорой помощи»: «Мужик, как ты ухитрился выжить в таком аду?» – Феликс ответил:

– Все умрут, а я останусь. Потому что я... Кощей Бессмертный.

После того дня кличка Кощей Бессмертный намертво прилипла к Головину.

Нину он никогда не вмешивал в свои дела, справедливо полагая, что воспитанная московская девочка из профессорской семьи не поймет его проблем. Но потом настал день, когда бандиты вломилась на дачу Головиных.

Нападавших было несколько, Феликс один. Бизнесмен выхватил пистолет, который всегда держал при себе, и начал отстреливаться, но в магазине ведь ограниченное количество патронов, а добраться до тайника с оружием Кощей Бессмертный не мог. Он уже решил, что настал его последний час, и собрался дорого продать свою жизнь. Жене Головин крикнул:

– Нинок, вали скорей отсюда через подвал!

Тихая, медлительная, не очень сообразительная Ниночка рванула из комнаты быстрее молнии, и ей удалось скрыться.

Феликс спрятался за диваном и попытался прицельно стрелять в братков. Но пули почему-то пролетали мимо них, и в конце концов боеприпасы иссякли.

– Усе, пацаны, – заржал один из братков, – я его выстрелы сосчитал. Берем гада тепленьким. Кощей пока живым нам нужен.

Феликс понял, что синяя птица удачи навсегда умчалась прочь, и приготовился к рукопашному бою, но вдруг раздалась автоматная очередь. А потом в наступившей оглушительной тишине послышался слабый голос Нины:

– Феля, ты жив?

Головин чуть высунулся из укрытия и ахнул от удивления. На полу в разнообразных позах лежали убитые бандиты, а на пороге гостиной стояла, плача, Нина с автоматом «узи» в руках.

– Где ты его взяла? – обомлел Феликс.

Жена всхлипнула.

– В кухне. В тайничке.

Головин оторопел:

– Ты знала, где хранится оружие?

Нина зарыдала.

– Миленький, не сердись! Я случайно! Мыла полы, тряпочка зацепилась за щепочку, я ее ножиком решила отрезать, а там что-то щелкнуло, и открылся люк с лесенкой. Я тебе не говорила, не хотела, чтобы ты ругался. А сегодня подумала: Фелю убьют! Побежала, схватила самый большой пистолет, и вот...

– Кто тебя научил стрелять? – спросил Головин.

Нина вздохнула.

– Не знаю, само вышло. Подумала, там есть дырочка, из нее пулечка вылетит. Надо нажать на загогулилку, так в кино делают. Решила, если хоть в одного попаду, тебе будет легче. И пусть меня тоже застрелят, я без тебя жить не хочу, но и этим гадам вломить надо. А пистолетик как затарахтит: тр-р-р! И всех укокошило. Ой, не ругай меня! Никогда бы без твоего разрешения оружие не взяла, но как спросить, когда бандиты уже в комнату рвутся? Миленький, ты не злишься, что я эту штучку, не посоветовавшись с тобой, взяла?

Феликс перевел дух.

– Нинуша, я счастлив, что ты цапнула эту штучку. А теперь отдай ее мне, не то, боюсь, из дырочки еще может вылететь пулечка.

Нина взвизгнула и отшвырнула «узи». Потом села на пол и пожаловалась:

– Нога болит. Что-то стукнуло по ней, мешает.

Только тогда Феликс увидел, что по светлым брюкам жены ползут темно-бордовые пятна. Нина проявила удивительное мужество – при побеге из комнаты в кухню она была ранена кем-то из бандитов. По счастью, пуля прошла по касательной, содрала с голени кусок кожи, не затронула ни кость, ни крупные сосуды. До того дня Ниночка панически боялась боли, падала в обморок, если надо было сдать кровь на анализ, но в минуту смертельной опасности, не обратив внимания на рану, кинулась защищать мужа, была готова умереть вместе с ним...

О перестрелке на даче посторонние не узнали. Феликс спешно вызвал своих людей, трупы бандитов где-то закопали. Супруги Головины улетели в Италию. Там Феликс купил в небольшой деревушке уютный домик и сказал Нине:

– В Москве опасно, поживи пока тут. Я буду часто приезжать.

Нине не хотелось расставаться с мужем, но пришлось подчиниться и устраиваться в Италии. Больше Головина в Россию не возвращалась. Она выучила итальянский, завела подружек и поняла, что жить на берегу теплого моря намного приятнее, чем в Подмосковье, пусть даже и в роскошном доме.

Бизнес Феликса круто пошел в гору. Лихие девяностые закончились, выжившие братки и их вожаки стали уважаемыми банкирами, крупными торговцами, политиками. Они обзавелись семьями, стали собирать произведения искусства, отправлять детей учиться в Лондон. Иногда в ком-то из респектабельных мужчин просыпался отвязный парень, член преступной группировки, и его конкурент неожиданно отъезжал на тот свет, но массовые перестрелки почти прекратились. В нулевые заклятых друзей старались убирать элегантно, так, чтобы смерть выглядела естественной или походила на самоубийство. Оружие или взрывчатку использовали лишь тогда, когда хотели нагнать страха на конкурентов.

Шло время. Феликс жил в Подмоскowie, Нина в Италии. Былой страсти между мужем и женой уже не было, но прекрасные отношения сохранились. Головин на уик-энд, праздники и вообще в любой свободный день летал к супруге. Это только кажется, что Апеннинский полуостров далеко, на самом деле авиалайнер тратит на путь до него чуть более трех часов. Если работаешь в Москве, в офисе, который расположен у метро «Университет», а живешь в Капотне, то каждый день проводишь в дороге больше времени, чем нужно на полет от Москвы до Милана.

Детей у Головиных не было. Нина долгие годы лечилась, бегала на какие-то уколы, ездила на курорты. Потом Феликс услышал об ЭКО и предложил супруге воспользоваться им. Нина почему-то смутилась, сказала, что уже не молода, и Феликс почувствовал в словах супруги фальшь. Тогда он сам пошел к семейному доктору и узнал правду: ребенок не родился по его вине. Не желая травмировать мужа, Нина долгое время утверждала, что бесплодна она.

– Ваша жена потрясающий человек, – сказал обомлевшему Феликсу врач. – Она мечтала о малыше, но ваше психологическое состояние было для нее важнее всего на свете. Мужское бесплодие не надо путать с импотенцией, однако сильный пол крайне чувствителен к своим половым проблемам. Некоторые дамы прибегают к услугам анонимного донора и никогда не сообщают главе семейства, что его крови у ребенка нет. А Нина сказала: «Я не могу обманывать Феликса. Если господь не дает нам младенца, значит, так должно быть».

Головин откровенно поговорил с супругой, и через полгода в семье появилась пятимесячная Виктория, здоровенькая девочка, родители которой разбились, катаясь на горных лыжах. Еще через два года к ней присоединился крохотный Алеша. Нина очень любит детей, Феликсу они нравятся, итальянский дом полон

веселых голосов, собачьего лая, музыки, там кипит жизнь. Московский же особняк тих, хозяин редко поднимается на второй этаж, а на третий и вовсе не заглядывает. Нина в Россию не приезжает, но дети в сопровождении гувернанток посещают Москву во время каникул. Мать хочет, чтобы сын и дочь свободно владели русским языком.

Феликс еще не стар, поэтому в его жизни появлялись разные женщины, но ни одна связь не длилась более двух месяцев. Так продолжалось до тех пор, пока Нина не сказала мужу, что Веронике надо найти хорошую преподавательницу русской литературы.

– Девочка категорически не желает читать, – сердилась мать, – для нее существует только компьютер. Найди умного педагога, который во время московских каникул будет рассказывать ей о книгах и привьет любовь к чтению.

Головин озаботился этой проблемой и познакомился с Таней Сергеевой, тихой женщиной, совершенно не соответствующей его представлениям о любовнице. Феликсу нравились стройные блондинки не старше двадцати лет, гламурные красавицы, бегающие на высоченных каблуках и выглядящие, словно ожившая фотография из глянцевого журнала.

Танечка же носила пятидесятый размер одежды, предпочитала удобные туфли и почти не прикасалась к косметике. Она не щебетала без конца о всякой ерунде, не замирала в восторге у витрин бутиков, не сидела на диете, не заглядывала по несколько раз в неделю в салон красоты. Чем скромная женщина в конце концов привлекла Феликса? На этот вопрос он сам не знал ответа. Но нанял в учительницы другую даму, а с Сергеевой закрутил роман. С Танечкой ему было уютно, спокойно и надежно.

И она никогда ничего не просила у Головина. На заре отношений Феликс преподнес Сергеевой красивые сережки. Любая из его прежних любовниц со счастливым визгом бросилась бы к зеркалу, нацепила их, а потом попросила бы в придачу кольцо и кулон.

Танечка же взяла бархатную коробочку, подняла крышку и сказала:

– Очень красивые. Спасибо, Феликс, но я не смогу их носить.

– Почему? – удивился Головин.

– У меня уши не проколоты, – пояснила она. – Извини, пожалуйста, не сочти меня капризулей, я очень рада подарку, но, признаюсь, не люблю украшения.

Феликс растерялся.

– Что же тебе доставляет удовольствие?

– Конфеты, цветы, – улыбнулась Таня. – А еще я собираю игрушки – маленьких куколок, не больше десяти сантиметров высотой. Пошли, покажу мою коллекцию, она у меня в спальне, в шкафу.

С того момента прошло семь лет, Таня стала для Феликса настоящей женой. По бабам Головин более не бегаёт, он искренне любит Сергееву, у них прекрасные отношения. Но! Феликс четко определил границы этих самых отношений, объяснив Тане:

– Я никогда не брошу Нину и детей. Что бы ни случилось, Нинуша, Вика и Алеша всегда останутся моей законной семьей.

Таня спокойно приняла эти условия. Она не устраивает Феликсу сцен, когда тот улетает в Италию, сама покупает детям подарки, которые отец вручает потом от своего имени, не претендует на огласку отношений с Головиным, не приезжает в его подмосковный особняк, когда его дети ненадолго прилетают в Москву.

Сергеева преподаёт в институте, и никто из её коллег не имеет понятия о том, что тихая Танюша, приезжающая на работу на недорогой иномарке, в выходной день летала на личном самолёте Феликса в Вену, чтобы там насладиться оперой. Таня элегантно, но совсем недорого одевается, не имеет сумочки из крокодиловой кожи и никак не демонстрирует материального благополучия. О своей личной жизни она не распространяется. И, кстати, уши она так и не проколола.

Живёт Таня в скромной квартире, доставшейся ей от родителей. В доме много подъездов, тьма жильцов, соседи у Сергеевой часто меняются, она с ними знакомства не поддерживает. На все предложения Феликса купить ей

просторную элитную жилплощадь она спокойно отвечает:

– Лучше я останусь в своем гнезде.

Первое время Головин настаивал, потом оставил попытки улучшить жилищные условия Танюши, подумал, что в доме на десять апартаментов с привратником, охраной и кучей прислуги, обожающей сплетничать про жильцов, будет трудно сохранить в тайне их отношения. А в обычном, густонаселенном доме никому до них с Таней дела нет. Да, Феликсу не очень нравится грязный подъезд, но он не так уж часто приезжает к любимой в гости. Свободное время они проводят за границей, улетают на два дня в Париж, Лондон, Вену. В Москве они почти не светились рядом, предпочитая общаться по телефону, Феликс купил номер специально для бесед с Таней, и никто, кроме него и Сергеевой, его не знает.

Недавно Танечка сообщила Феликсу, что за ней следят. Он начал ее расспрашивать, и она пояснила:

– Раньше в магазинчике у моего дома торговал мужчина, а теперь там появилась женщина.

– Это все? – рассмеялся Головин.

– Вчера я покупала хлеб, – продолжала Таня, – попросила нарезной. Новая продавщица протянула батон и сказала: «Не хотите попробовать мультисерновой? Он полезнее». Я отказалась, но тетка принялась уговаривать, и мне пришлось взять его. Торговка обрадовалась и дала мне вот эту карточку. Пояснила: «Теперь у нас постоянные клиенты получают дисконт. Не потеряйте, она накопительная. Хотя... Лучше вбейте номер в телефон. О, какой у вас красивый аппарат! Можно посмотреть?»

Таня протянула продавщице свой мобильный, и в эту секунду с улицы вошел пьяный парень с синяками на лице. За ним влетел другой мужик, тоже весь в бланшах, и толкнул первого. Сергеева не успела ахнуть, как маргиналы затеяли драку. Продавщица живо выпихнула бузотеров на улицу, сто раз извинилась перед Таней, не взяла с нее денег за хлеб и вернула мобильный, который во время драки положила к себе в карман.

Инцидент можно было бы считать исчерпанным, но, поднявшись в квартиру, Таня вспомнила, что из-за суматохи не купила кефир, который всегда пьет на ночь. Снова идти в павильончик у дома ей не захотелось, и она отправилась в супермаркет, расположенный дальше. Взяла кефир, встала в очередь к кассе и вдруг увидела в кафетерии магазина тех самых драчунов. Сейчас они мирно пили кофе, ели сосиски в тесте и вели себя как добрые приятели. Одежда на них осталась прежняя, а вот синяки с их лиц волшебным образом испарились.

Глава 4

Феликс взял у Тани сотовый, отнес его человечку, промышляющему слежкой за людьми, и узнал: в трубку вставлено шпионское устройство. С его помощью можно подслушивать разговоры владельца аппарата и точно знать, где тот сейчас находится.

Головин напрягся. Он понимал, что тихая преподавательница никому не нужна, охота открыта на него. Несмотря на меры предосторожности, кто-то пронюхал о романе Головина и Сергеевой. Большинство людей выкинуло бы «заряженный» мобильник в ближайшую урну, но бизнесмен, прошедший школу девяностых и сумевший высоко взлететь в нулевые, научился хитрости и осторожности. Феликс велел Тане вести по аппарату с начинкой ничего не значащие беседы, звонить коллегам, заказывать пиццу, записываться на прием к врачу и так далее. Для общения с любовником у нее был второй телефон с номером, зарегистрированным не на ее фамилию, в магазин Татьяна взяла другой.

Обращаться в свою службу безопасности Феликс по понятной причине не стал, решил справиться с проблемой собственными силами. Он нанял людей со стороны, профессионалов, умеющих держать язык за зубами. Они патрулировали двор, где жила Таня, и незаметно сопровождали ее. Но ничего подозрительного не заметили. Никто за Сергеевой не следил, в отсутствие хозяйки не пытался проникнуть в квартиру, около машины на парковке не крутился.

– Может, ее с кем-то перепутали? – предположил начальник детективов. – Случается такое. Сергеева выглядит как среднестатистическая москвичка, в толпе не выделяется. Вероятно, «жучок» предназначался не ей.

– Неужели кто-то нанял таких идиотов? – вскипел Феликс. – Дураков, не способных отличить одну женщину от другой?

– Не все в нашем бизнесе настоящие профессионалы, – ответил собеседник.

Головин было успокоился, и тут Тане пришло приглашение от Мануйлова. И сама Сергеева, и Феликс были удивлены. Татьяна сочла письмо розыгрышем, а бизнесмен встревожился и обратился к Антону, которого считал своим другом.

Котов навел справки о Мануйлове и узнал много интересного.

Сергей Павлович – сирота, воспитывался в разных детдомах, активно занимался спортом и после восьмого класса поступил в цирковое училище. Закончив его, начал кочевую жизнь. Гастролировал с разными коллективами, исколесил всю Россию. Сначала Мануйлов ходил по проволоке, потом стал фокусником. Ни семьи, ни детей у него нет. Цирковые артисты рано уходят на пенсию, исключение составляют иллюзионисты, вот те могут выходить на арену до преклонных лет. Однако Мануйлов не захотел бродить цыганом всю жизнь и осел еще в советские годы в Подмоскowie, где купил большой участок земли и хороший дом. Откуда у Сергея Павловича деньги? Он продает фокусы.

Мануйлов оказался талантливым изобретателем, он придумывает для иллюзионистов удивительные номера, проектирует уникальный реквизит. Кое-что Сергей Павлович делает сам в прекрасно оборудованной мастерской, у себя в особняке. Если же покупатель желает получить нечто масштабное, тогда к делу подключаются другие специалисты, но Мануйлов всегда контролирует изготовление оборудования для номера от начала до конца.

Артисты, обращающиеся к Сергею Павловичу, понимают: он потребует за свою работу больших денег. Тем не менее они знают, что получат в конце концов оригинальный, интересный номер и вся аппаратура будет работать, как часовой механизм эксклюзивной сборки швейцарских мастеров. В качестве бонуса Мануйлов спроектирует одежду для ассистентов, посоветует, как лучше организовать сценическое пространство. В Сергее Павловиче явно пропал талантливый режиссер.

Как Антон ни старался, найти современную фотографию Мануйлова он не смог. В распоряжении Котова оказался лишь снимок из паспортного стола, сделанный достаточно давно.

Не знаю, как у кого, а в мой паспорт вклеено фото, на котором я совсем на себя не похожа. И меня всегда удивляло: ну каким образом сотрудники полиции могут опознать человека по его физиономии в паспорте? Я, например, после его получения неоднократно успела поменять прическу, цвет волос, форму бровей, толстела-худела, а также слегка изменилась из-за прожитых лет и разных жизненных коллизий.

Сомнительно, что Мануйлов законсервировался и нынче выглядит так же, как в год выдачи удостоверения личности. А других снимков Сергея Павловича не нашлось. Он никогда не был звездой, за ним не бегали корреспонденты, в журналах его портретов не найти. И в социальных сетях его нет. Мануйлов не ищет одноклассников, не заводит приятелей в Интернете, не хвастается своей машиной, отдыхом за границей, не подыскивает невесту на брачных сайтах.

Непонятно, как этот человек вообще общается с окружающим миром. Если верить официальным данным, в его доме отсутствует телефон, особняк не подключен к Интернету. Не покупал Сергей Павлович и мобильный телефон. Но ведь можно приобрести сим-карту, не показывая продавцу паспорта. Научно-технический прогресс развивается семимильными шагами, навряд ли Мануйлов привязывает записки к лапкам почтовых голубей.

Сам хозяин редко покидает дом. Вместе с ним живут два человека – домработница, она же кухарка по имени Светлана, и Карл, мастер на все руки.

В среде артистов о Мануйлове ходят легенды, поговаривают, что он сотрудничает с лучшими цирками мира и самыми известными фокусниками современности. Правда ли это? Ответа на вопрос нет. Покупатели реквизита крепко держат язык за зубами. Сергей Павлович тоже ни с кем не откровенничает, ни один журналист никогда не брал у него интервью. Но банковские счета его внушительны. И постоянно пополняются. Где и как Мануйлов встречается с заказчиками, неизвестно. Его дом стоит на отшибе, жители расположенной неподалеку деревеньки ничего о Сергее Павловиче сказать не могут. В гостях они у него не бывают и вообще давным-давно его не видели. Может, бывший циркач все же выезжает в Москву? Или кто-то навещает его? Но за то время, что Антон следил за поместьем, никто туда не являлся и

оттуда не выезжал.

Чем болен фокусник? И на сей вопрос ответа не найти. Сергей Павлович не посещает ни один медицинский центр. Вероятно, врач навещает его на дому. Мануйлов постарался спрятаться от внешнего мира, и ему это удалось сполна.

– Либо он на самом деле собрался на тот свет и решил сделать Татьяну своей наследницей, либо открыл охоту на тебя, – сказал Антон Головину. – Только я пока не понимаю, какая роль в ней отведена твоей женщине.

Сама Сергеева никак прояснить ситуацию не могла.

– Про Мануйлова я ничего не слышала, – испуганно сказала Таня моему начальнику. – Может, он когда-то, еще до моего рождения, пересекался с моей мамой? Она выступала в цирке, исполняла акробатический этюд. Помню, рассказывала мне как-то, что долгое время никакого успеха не имела. Сейчас в жанре «каучук» почти никто не работает, но в советские годы таких, как мама, было пруд пруди, и ажиотажа у публики сверхгибкие акробатки не вызывали. Зоя Сергеева не имела титула звезды до тех пор, пока один из артистов не подарил ей идею номера со стрельбой из лука в воздушный шарик. Он же придумал обман с иголкой в руке ассистента и предложил эффектный костюм. Мама исполняла номер, стоя на некоем подобии гигантского барабана и, в отличие от большинства артисток этого жанра, была одета в черное трико без всяких блесток или сверкающих камушков. Голову ее скрывал трикотажный шлем, открытым оставалось лишь лицо. Но когда она становилась в позу для выстрела и ассистент, подавая ей лук со стрелой, отходил, происходила потрясающая метаморфоза: сначала слетал шлем с головы, и из-под него выпадала копна роскошных кудрявых волос, потом на мелкие части разлеталось черное трико, и девушка оказывалась... обнаженной. Зал ахал. Стрела пробивала шарик, артистка изящно выпрямлялась, поднимала руки в стандартном цирковом комплименте, и публика понимала: акробатка одета, на ней телесного цвета комбинезон, имитирующий человеческую кожу. Ни один худсовет не разрешил бы исполнять столь эротический номер в Москве и Ленинграде, но коллективы, в которых работала мама, колесили по провинции, а там даже в те годы позволялись разные вольности.

– А она не называла имени своего благодетеля? – поинтересовался Антон.

– Нет, – после колебания ответила Татьяна. – И спросить я теперь не могу, мамочка умерла, когда я была первоклассницей. Я вообще мало что знаю о ней. Хотя... она один раз сказала: «Человек, который придумал номер с шариком, обещал сделать из меня актрису экстра-класса. У него была масса оригинальных задумок, их с лихвой хватало на сольную программу. Но он рассчитывал, что я стану его женой. Меня же перестала привлекать кочевая жизнь, я мечтала о стабильности, о ребенке, поэтому отказала ему. И ни разу не пожалела о своем решении». Что, если Мануйлов и есть тот креативный цирковой артист?

– Вероятно, да, но, возможно, и нет, – протянул Котов.

Поразмыслив над ситуацией, Антон решил, что Татьяне Сергеевой лучше принять предложение Сергея Павловича. Вот только вместо любовницы Головина в резиденцию фокусных дел мастера отправлюсь я. На языке профессионалов такое мероприятие называется операцией под прикрытием и требует тщательной подготовки. Но у нас было мало времени. Я постаралась зазубрить основные вехи биографии любовницы Феликса, и надо сказать, мне стало жаль тезку. До семи лет девочка жила с любящей мамой и отцом. А после внезапной кончины Зои (та отравилась рыбными консервами) папаша отправил Таню в интернат. Андрей Хрюкин мотивировал свой поступок просто: он певец, выступает в разных городах, бабушек-дедушек в семье нет, кто будет заботиться о малышке? Таскать с собой ребенка на гастроли нельзя, девочка тогда останется без образования, а осесть дома Андрей не может, ему нужно зарабатывать деньги. В общем, исключительно из благих намерений папочка отдал Танечку в особое место. Это был не приют для бедных сирот. Нет, Андрей устроил дочку в элитное детское учреждение, где жили отпрыски дипломатов, служивших в тех странах, куда нельзя было привезти детей, а также ребяташки вечно гастроллирующих артистов и других занятых людей, не имевших возможности лично их воспитывать. Ни о каких притеснениях, голоде, плохом обращении там речи не шло, для воспитанников создали райские условия. Но маленькая Танечка очень тосковала в интернате. Других детей родственники забирали на субботу-воскресенье, каникулы, а Сергеева почти всегда оставалась одна. Папа появлялся нечасто, и он предпочитал не возить Таню домой. Во время редких свиданий Андрей обнимал дочурку, тащил ее в магазин, покупал игрушки, сладости, одежду, кормил в ресторане, потом спохватывался и говорил:

– У меня концерт! Сама доберешься назад? Боюсь, я опоздаю к началу, если повезу тебя.

Танечка, нагруженная пакетами, медленно брела к метро, душу ей грели слова отца. Андрей при расставании всегда говорил одно и то же:

– Заинька, понимаю, тебе нелегко. Я мог бы жениться и оставлять тебя дома, но где найти мамку, которая полюбит чужого ребенка? Лучше жить в прекрасном детском учреждении, чем в своей квартире с посторонней теткой. Она начнет бить тебя, морить голодом, а я буду далеко, до меня не докричаться. Когда тебе исполнится шестнадцать, ты станешь достаточно взрослой, чтобы вернуться домой и жить одной, ожидая меня с гастролей. Я очень переживаю из-за нашей разлуки, но пока по-другому нельзя. Потерпи, наберись мужества, помни: впереди прекрасные годы. Я выйду на пенсию, вот тогда будем нежно заботиться друг о друге, живя бок о бок.

Танечка верила отцу, мечтала о том дне, когда навсегда покинет интернат, очутится в своей детской и больше никогда не расстанется с отцом. В конце концов счастливый миг настал, Таня получила аттестат об окончании школы, золотую медаль и переступила порог родного гнезда. Вот только Андрея там не оказалось – за пару месяцев до выпускных экзаменов дочери певец скончался от инфаркта. Татьяна без проблем поступила в педагогический вуз, а потом пошла работать преподавателем русского языка и литературы.

У меня было такое же образование, и мы с тезкой оказались похожи внешне – обычные женщины с пятидесятым размером одежды. Правда, Таня носила мальчишескую стрижку и имела коньячный цвет волос. Мне пришлось укоротить и покрасить шевелюру. Когда я вернулась из салона, Антон с удовлетворением отметил:

– Прекрасно, издали вы вообще будто один человек. Да и вблизи сходство необыкновенное.

Одинаковые имена-фамилии оказались приятным бонусом.

Вчера вечером я очутилась в резиденции Мануйлова, снабженная двумя мобильными и, несмотря на отсутствие Интернета, ноутбуком. Антон велел выяснить, что у Сергея Павловича на уме. Мне задание показалось не экстремальным, работа в бригаде приучила меня к разным приключениям. Но я понятия не имела, что хозяин вознамерился устроить кастинг наследников, и теперь попала в непростую ситуацию. Вдруг Мануйлов чудак, который

действительно решил испытать нескольких людей, дабы определить достойного кандидата на свои деньги? Мне же придется из кожи вон лезть, чтобы выиграть сию олимпиаду, не подвести любовницу Головина, не лишиться ее наследства. Конечно, у меня другое задание, но не хочется, чтобы тетка из-за меня потеряла большие деньги. Мне надо держать ухо востро, сохранять спокойствие при любых обстоятельствах, всегда помнить, что они, вероятно, являются тестовым заданием. Неуклюжий Карл выплеснул на спину мне чай? Радуйся, что он оказался холодным, и веди себя вежливо. Скорей всего, таким образом Мануйлов решил проверить Татьяну Сергееву на вшивость. Как она поступит? Закричит? Начнет ругать Карла? Потребуется купить ей новую одежду? Сделает вид, будто ничего особенного не произошло?

Я решила продемонстрировать хорошее воспитание и спокойно отправилась переодеваться. А вот Жанна ведет себя агрессивно. Реутова, совершенно не стесняясь, говорит о желании получить состояние и пытается обидеть окружающих. Похоже, дамочка хорошо усвоила слова хозяина о том, что каждый, покинувший поместье, вычеркивается из списка претендентов на наследство, и решила хамить присутствующим, издеваться над ними до тех пор, пока они не сбегут от ее колкостей.

Приди мне в голову странная идея выбирать наследника среди незнакомых людей, я бы отдала предпочтение интеллигентной Тане Сергеевой, а не хабалке Жанне. Но это я. А кто более понравится Мануйлову? Не сочтет ли он женскую мягкость за мягкотелость, а нежелание поставить на место грубиянку Реутову за трусость? Вдруг Мануйлову по душе бабы, способные заткнуть за пояс любого мужика? Надеюсь, хозяин не заставит нас выяснять отношения в кулачном бою!

Глава 5

Когда я вернулась в столовую, Сергей Павлович заулыбался.

– Отлично, все в сборе. Таня, попробуйте кекс. Сейчас Карл подаст нам напитки.

– Ваш слуга разлил чай, пошел за новым и назад что-то не торопится, – пожаловалась Жанна. – Или кухня находится в Москве?

Лоб Мануйлова собрался гармошкой. Он взял телефон и сердито произнес:

- Карл, почему... Что? Когда? Сейчас приду.

Сергей Павлович быстро встал, положил трубку в карман и ушел, обронив на ходу:

- Прошу меня простить, вернусь в ближайшее время.

Пару минут в столовой висела напряженная тишина. Я решила разрядить обстановку.

- Давайте познакомимся. Меня зовут Татьяна Сергеева, я преподаю русский язык и литературу в вузе, москвичка, не замужем.

- Оно и понятно, почему ты осталась без мужика - мало кого такая квашня заинтересует, - не упустила возможности схамить Жанна. - Меня зовут Жанна Реутова.

Ничто так не бесит хама, как вежливость в ответ на его грубость. Я широко улыбнулась.

- Вы правы, Жанна, мне давно пора похудеть. Но не получается.

- Жрать меньше надо, - буркнула она.

- Согласна. Только все время кушать хочется! - засмеялась я.

- Женская полнота прекрасна, - встал на мою защиту Николай. - Очень рад знакомству с вами, Танечка. Я Коля Вишняков, бывший военный медик, теперь мануальный терапевт. Если у вас болит спина, мигом убереу неприятные ощущения.

- Спасибо, - смущенно ответила я. - Никогда не делала массаж и стесняюсь обратиться к мужчине. Он же будет трогать меня руками!

– Тебе может понравиться, – откровенно заржала Жанна. – Некоторые мужики очень даже приятно руками трогают.

– Замолчи, хватит, – сквозь зубы произнес Леонид.

– Не затыкай мне рот! – гаркнула на супруга Жанна. – Я не из тех, кому можно кляп засунуть!

– А я очень люблю массаж, – затараторила Анна. – Раз уж все представляются, скажу о себе. Анна Хачикян. Армянской крови во мне нет, фамилия досталась от первого мужа, я с ним сто лет в разводе. У меня собственный, очень доходный бизнес.

– Торгуешь нефтью? Или открыла банк? – тут же осведомилась Жанна.

– Нет, владею магазином одежды, – гордо ответила Аня. – Лучший винтаж в Москве.

– Что у тебя с винтом? – не поняла Реутова.

Анна снисходительно взглянула на скандалистку.

– Слово «антиквариат» слышали? Знаете, что оно означает? Винтаж – это одежда из прошлого.

– А... – протянула Жанна. – Антиквариат – это приличное название рухляди, у тебя секонд-хенд. На вес торгуешь? Или поштучно дерьмо отпускаешь?

Леонид встал и попытался увести жену.

– Жанна, пошли.

– Куда? – буркнула та. – Я еще кофе не попила.

– У меня голова заболела, – процедил муж.

– И при чем тут я? – удивилась Жанна. – Слопай аспирин.

– Зачем пить таблетки, если среди нас есть доктор, – кокетливо повела плечами Анна. – Колечка, вы умеете руками боль прогонять?

Николай сделал вид, что увлечен бутербродом.

– У меня предложение, – сказала Раиса Ильинична. – Смотрите, сколько в доме добра. Вон там, на буфете, полно серебра, оно дорогое... Кстати, я Нестерова.

– Ерунда, – быстро подхватила нить беседы Аня, – нынче серебро не в цене, и то, на что вы показываете, не старое, а современное, похоже, итальянское, не очень хорошего качества. Зато фигурки... видите, на полке между окнами... вот они совсем не копеечные.

– Тупые балерины и мужики в тапках? – скривилась Жанна. – Ни малейшей красоты, кое-как сляпано. Я в Турции купила танцовщицу, вот она – супер. Произведена в Германии! Юбочка, словно из тюля, вся в дырочку, а на самом деле это фарфор.

– Такую мыть трудно, – вздохнула Раиса Ильинична. – Как из дырок пыль выковырнуть?

Анна закатила глаза.

– Коллекция, которую вы здесь видите, называется «Мастера советского балета», ее выпустили к столетия юбилею Большого театра в малом количестве, редко у кого сейчас есть все персонажи. Вон там, слева, Одетта в исполнении Галины Улановой, дальше Дон Кихот, его танцевал Корень.

– При чем тут корни? – разинула рот Жанна.

Аня снисходительно улыбнулась.

– Сергей Гаврилович Корень был солистом Большого театра до тысяча девятьсот шестидесятого года, потом стал педагогом-репетитором. Он гений.

– И что? – скривилась Реутова. – Кто его сейчас, кроме придурочных зубрил, помнит? И за фигом нам его фарфоровая скульптура?

– Каждая фигурка из этого собрания стоит минимум сто пятьдесят тысяч рублей, – пояснила Аня. – Всего изделий пятнадцать, вот и умножайте.

– Два миллиона двести пятьдесят тысяч? – ахнул Леонид. – Это ж можно крутой внедорожник купить!

– Она врет, – с уверенностью заявила Жанна, – статуэтка не может столько стоить.

Анна пожала плечами.

– Не стану спорить.

– Послушайте меня, пожалуйста, – попросила Раиса Ильинична. – Я не особо разбираюсь в вещах, мне серебро кажется дорогим. Но охотно верю Ане. Значит, тут много ценностей, которые я по недомыслию посчитала копеечными. Вы по дому ходили? Я вчера пробежалась по комнатам – они богато убраны, повсюду картины, ковры, люстры хрустальные.

– Еще участок, – подала голос Аня.

– Машина, яхта, – перечислил Николай.

– Вы про деньги не забыли? – спросил Леонид. – Самое дорогое – счета в банках.

– Сергей Павлович сказал про какие-то патенты, – вставила я словечко.

– Давайте разделим все? – высказала наконец свое предложение Раиса Ильинична. – По-честному, на всех.

– Не понял! – удивленно воскликнул Вишняков.

Раиса Ильинична умоляюще посмотрела на бывшего военного медика.

– Пожалуйста, не шумите. Если Мануйлов узнает, что я предлагаю, он меня выгонит. Но мне кажется, не совсем честно отдавать состояние в руки одного человека. И вы думали о соревнованиях? Может, они смертельно опасны и большинство присутствующих от них откажется. Или вообще невыполнимы. А ну как Сергей Павлович предложит бежать кросс по своему саду? Навесит нам на спины рюкзаки с камнями и крикнет: «Вперед!» Танечка, вы согласитесь?

Я ответила:

– Мне деньги очень нужны. Живу одна, спонсоров не имею. Преподаватели зарабатывают мало, а так хочется уехать жить к теплому морю. Во Францию, Италию или Испанию. Я-то побегу, но вот какой по счету доплетусь до финиша?

Раиса Ильинична сложила руки на груди.

– Слабым женщинам не обогнать мужчин.

– Ну, моего Леньку даже курица обскачет, – хмыкнула Жанна, – он совершенно не спортивный.

– А ты дура! – вскипел супруг. – Идиотка!

Жена встала, опустила голову, сжала кулаки и взвизгнула:

– Кто у нас тут развякался? А ну, повтори!

Леонид открыл рот, но Николай сурово произнес:

– Ребята, вы не дома! Потом полагаетесь. Говори, Раиса!

Та с благодарностью посмотрела на массажиста.

– Деньги нужны всем. Я прежде не встречалась с Сергеем Павловичем и не понимаю, почему оказалась среди кандидатов в наследники, но мне ясна задумка хозяина поместья. Мануйлов начнет сталкивать нас лбами, подзуживать, провоцировать скандалы. А победа достанется не тому, кто первым с вещмешком за плечами достигнет финиша, а тому, кто больше всего

понравится хозяину. Вы с ним хорошо знакомы?

- Нет, - нестройным хором ответили присутствующие.

- И как тогда догадаться, что Мануйлову по шерсти, а что против? - задала резонный вопрос Раиса Ильинична. - Понимаете, о чем я? Предложит нам хозяин через пропасть прыгать, все побегут к обрыву, а один, осторожный, останется стоять. По логике вещей он не должен вызывать уважения, да вдруг Сергею Павловичу именно опасливые люди по душе? Может, он глупых храбрецов на дух не переносит? Поставит плюстик за это задание не тем, кто его волю выполнил с риском для жизни, а зайцу одному разумному. Надо хорошо знать человека, чтобы ему угодить. Правила-то соревнований нам не объяснили, условия неизвестны. Стоит сигать через пропасть или лучше отказаться?

В столовой повисла тишина, вскоре прерванная все той же Раисой.

- Я предлагаю подыграть владельцу имения. Он ни в коем случае не должен знать о нашем разговоре, сделаем вид, что каждый сам за себя. Но в действительности мы будем одной командой, и кого бы ни выбрал в конце концов Мануйлов, богатство поровну разделим между всеми присутствующими. Знаете, некоторые спортсмены умирают во время соревнований от нервного напряжения - так хотят выиграть, что у них сердце разрывается. Я не желаю раньше времени уйти в могилу, не хочу переживать из-за того, что проигрываю. Но, если вдруг окажусь победительницей, буду мучиться совестью, что заграбастала состояние одна.

- Круто придумано! - воскликнула Жанна. - Значитца, я постараюсь, заполучу наследство, а потом пилить его на всех? Фиг вам!

- А если проиграешь? - усмехнулась Анна и потянулась к вазочке с конфетами. - Какие вкусные! Прямо как ванильный крем по вкусу.

Реутова вскинула подбородок:

- Я всегда и везде первая. Быстрее вас побегу, выше прыгну, дальше проплыву. Я получу наследство!

- А вдруг наоборот надо? - спросила Нестерова.

- Ты о чем? - удивилась Жанна.

Я вклинилась в беседу:

- Правил Сергей Павлович нам не сообщил, судьи нет, жюри тоже. Раиса Ильинична права: что, если хозяин дома посчитает выигравшим не первого, а последнего бегуна? Или, допустим, второго?

Реутова прикусила губу.

- И как делить наследство? - занервничал Николай.

- Ну, это просто, - объявил Леонид. - Надо все продать и разделить деньги на шесть частей.

- На пять, - поправил Вишняков.

- Нас шестеро, - напомнил Леня.

- Вы с Жанной за одного считаетесь, потому что семья, - уперся массажист.

Реутова вскочила.

- И что? Если у меня в паспорте штамп стоит, я должна мужу свои последние трусы отдать?

Раиса Ильинична приложила палец к губам:

- Тсс! Как и на сколько человек делить состояние, дело десятое, успеем еще обсудить это. Сейчас главное: мы договорились объединиться и потом разделить богатство поровну? Николай, вы как, согласны?

- Да, - быстро ответил массажист.

Нестерова взглянула на Леонида.

– Я тоже – за, – кивнул Реутов и толкнул локтем жену в бок.

Жанна, к моему удивлению, не стала спорить, молча кивнула.

– Я присоединяюсь к большинству, – пролепетала Аня, опять взяв из вазочки конфету.

Все повернулись в мою сторону.

– Согласна, – коротко произнесла я.

Раиса Ильинична поправила выбившуюся из прически прядь, тоже запустила руку в вазу и, разворачивая конфету, произнесла:

– Отлично. Я знала, что нахожусь в компании здравомыслящих, умных людей, которые понимают: синица в руках лучше, чем журавль в небе. И...

– Простите, господа, вынужден был вас оставить, – раздался голос Мануйлова, он как раз входил в столовую. – Случилось непредвиденное.

Глава 6

Сергей Павлович сел в кресло, положил ногу на ногу и сообщил:

– Заболела Светлана.

– Надеюсь, у нее не инфекция? – забеспокоилась Раиса Ильинична.

– Горничная утром всегда ходит босиком по росе, практикует закаливание, – пояснил Мануйлов. – Светлана, очевидно, наступила на камень и не обратила на это внимания, спокойно занялась своими делами. Но нога вдруг покрылась красными пятнами, и сейчас ей больно на нее наступить. На мой взгляд, это

похоже на вывих.

- Пусть Коля посмотрит, он врач, - предложила Анна.

- Я сто лет не практикую, - начал отнекиваться Вишняков, - переквалифицировался в массажиста.

- Ну и что? - удивилась Раиса Ильинична. - Ты же учился в институте.

- Нет, нет, - не поддавался на уговоры тот, - не имею ни малейшего отношения к хирургии. Я был стоматологом.

- Недавно ты назвался военным медиком, - напомнил Леонид.

- По-твоему, у вояк нет зубов? - огрызнулся Коля. - Никогда не был на поле боя, работал в московской поликлинике. К ногам вообще не прикасался.

Я удивилась, как быстро и дружно соискатели наследства перешли на «ты», и посмотрела на Николая. Он дантист? Немного странно, учитывая, что в тот момент, когда Вишняков улыбается, на одном из его верхних зубов виден небольшой никелированный крючок, свидетельствующий о наличии протеза. У моего отца был такой, и я знаю, что конструкция под названием «бюгель» представляет собой металлическую пластину, закрывающую большую часть нёба, к ней приделана фальшивая десна, из которой торчат сами коронки. Бюгель крепится при помощи изогнутых крючков к родным зубам, его, как правило, снимают на ночь и кладут в стакан с дезинфицирующим раствором.

Надо сказать, что бюгель не очень-то удобен, к нему надо привыкнуть, железка во рту раздражает, а крючки не эстетичны, видны окружающим. Сейчас стоматологи предпочитают использовать импланты. Но старый вариант протеза до сих пор в ходу. Почему? Бюгель в разы дешевле современных разработок, и он не требует кардинальной обточки зубов, подходит как малоимущим, так и трусливым людям. Вот только увидеть во рту дантиста крючок - это все равно что встретить портного в пиджаке с оторванными пуговицами или парикмахера с грязной, давно не стриженной, плохо причесанной головой. Вы же понимаете, что пациент в первую очередь обратит внимание на зубы самого врача и не захочет иметь дело с тем, кто не может даже себе сделать красивую улыбку. Хотя, наверное, Коля панически боится бормашины? Случается такое и со

стоматологами.

– Ясно... – протянула Раиса Ильинична. – Я работаю в детском саду воспитателем и в медицине не сильна. Таня преподаватель, у Ани магазин. А ты, Жанна, понимаешь что-нибудь в переломах-вывихах?

– В отличие от вас, я много в чем разбираюсь! – фыркнула Реутова. – Ладно, пойду посмотрю на Светлану.

Жанна отсутствовала минут десять и назад вернулась крайне взволнованная. С порога воскликнула:

– Менингит! Опасное инфекционное заболевание! Если Светлану срочно не увезти в клинику, мы все рискуем заболеть.

– Менингит? – ужаснулась Аня. – После него становятся идиотами, если, конечно, выживают. Ой, я боюсь! Даже готова уехать отсюда!

– Заболеть и мне не хочется, – испугалась Раиса Ильинична. – Если в доме зараза, да еще такая страшная... Прямо не знаю, как и поступить.

– Вы уверены, что у Светланы менингит? – уточнила я.

Жанна свысока посмотрела на меня.

– Симптомы налицо: высокая температура, спутанность сознания, а главное, пятна на ноге. Они первейший признак.

Раиса Ильинична начала креститься.

– Спаси и сохрани!

– Может, ну его на фиг, это наследство? – задумчиво протянула Анна. – Неохота заразу подцепить.

– Мне тоже, – подхватил Николай.

– Пусть лучше диагноз поставит профессиональный врач. Надо вызвать «Скорую», – посоветовал Леонид. – Сергей Павлович, это возможно?

– Да, – быстро ответил Мануйлов. – Мудрые слова, не надо паниковать раньше времени.

Я незаметно посмотрела на хозяина. Жизнь в руна нелегка, надо постоянно следить за собой, но все равно рано или поздно проколешься. Нас предупредили, что в доме отсутствует стационарная связь, а мобильные не ловят сеть. Как же владелец поместья собирается вызвать доктора? Значит, где-то в особняке спрятан телефон...

– Карл! – крикнул Сергей Павлович. – Слышу, как ты топаешь по коридору.

Дверь приоткрылась.

– Слушаю вас, – сказал лакей.

– Садись на велосипед и поезжай к Ефиму Глебовичу, – распорядился хозяин. – Объясни ему нашу ситуацию и попроси разрешения позвонить по его телефону в больницу.

Я прикусила губу. Вот что получается, когда операция готовится в спешке! Ни Антон, ни я не подумали о соседях Мануйлова. Теперь понятно, как нелюдим общается с внешним миром – ездит на велике к тем, кто живет неподалеку. Насколько помню, в нескольких километрах отсюда есть деревня. Наверное, не очень удобно крутить педали всякий раз, когда хочешь с кем-то пообщаться, и уж тем более делать это поздней осенью, зимой или ранней холодной весной. Почему бы Мануйлову не обзавестись собственным телефоном?

Я неожиданно чихнула и рассердилась на себя. Татьяна, что с тобой? Кроме велосипедов, у людей есть машины. Сергей Павлович садится в уютный внедорожник и за пять минут долетает, куда ему надо. Правда, по нашим сведениям, Мануйлов старается не покидать поместья, но я уже убедилась, что в информации, которую спешно нарыл Антон Котов, много неточностей.

– Ваш Карл не рассыплется по дороге? – спросила Жанна.

– Не должен, – без тени улыбки ответил Мануйлов, – он крепкий. Часа через три придет врач. Извините, господа, мне неудобно вас просить, но вам придется заняться хозяйством. Светлана не может встать.

– Это наше испытание, да? – обрадовалась Аня. – Говорите, что надо делать. Я готова на все!

– Даже у шеста голой за чужие денежки плясать? – вкрадчиво поинтересовалась Жанна.

Хачикян растерянно заморгала.

– Такая красивая женщина, как Анна, может заработать миллионы танцами, – подал голос Леонид, – стриптиз – это искусство, заниматься им не стыдно.

– Большой дом – большие хлопоты, – вернул беседу в прежнее русло хозяин, – мой коттедж не очень велик, но работы в нем по горло. Кто из вас готов собрать опавшие листья? Это не трудно.

Раиса Ильинична подняла руку.

– Я! В плане уборки мне нет равных. Ненавижу грязь, пыль, любой беспорядок. Причем не только внутри дома, но и снаружи.

– Дорожки в саду необходимо подмести, – озвучил следующее задание Мануйлов. – Территория большая, поэтому я купил специальный кар, спереди у него поливалка, сзади щетки.

– С удовольствием покатаюсь на машинке, – оживился Леонид, – это ж не работа, а развлечение.

– На участке есть фонтан, – продолжал хозяин, – за ним аллея с флоксами. Цветы, к сожалению, заболели мучнистой росой, их надо...

– Обожаю цветы! – захлопала в ладоши Аня. – У меня и в магазине, и дома настоящие оранжереи, я читаю книги по садоводству, покупаю всякие журналы. Отдайте флоксы мне, думаю, после обработки их надо рассадить, отделить

больные экземпляры от здоровых.

– Я ничего не понимаю в этом, – признался Мануйлов, – и крайне рад, что среди моих гостей нашелся профессионал. Следующая проблема – лампочки в фонарях, большая часть из них перегорела. Николай, возьметесь?

– Из меня электрик, как из кота учитель танцев, – признался массажист.

– Ну же, рискните, – улыбнулся хозяин, – это совсем нетрудное задание.

– Некоторые отказываются, поскольку понимают, что за них другие все сделают, а сливочки всем достанутся поровну, – прощбетала Аня.

Раиса Ильинична округлила глаза. Анна прикрыла рот ладошкой:

– Ой! Я не хотела! Молчу!

– Согласен, – быстро одумался Вишняков.

– А вам, Татьяна, предстоит побегать на кухне. Любите готовить? – осведомился Мануйлов.

Я решила, что на простой вопрос следует дать честный ответ.

– Не особенно. Я не замужем, поэтому предпочитаю обходиться полуфабрикатами.

Сергей Павлович улыбнулся.

– Ну, кисель-то сумеете сварить?

– Надеюсь справиться с заданием, – ответила я.

– По коням! – скомандовал хозяин дома.

Раиса Ильинична вскочила, взяла лежавшую рядом с тарелкой сумочку и отрапортовала:

– Я готова. Куда надо идти?

Я невольно задержала взгляд на странной сумке, которую она держала в руке. Квадратный клатч по размерам напоминал айпад, но был значительно толще планшета. Впрочем, наверное, правильнее сравнить сумочку Нестеровой с книгой Смоляковой, эта детективщица обожает строчить многостраничные произведения, безо всякого сожаления убивая героев штабелями. Кстати, темно-синий ридикюль из искусственной кожи совершенно не подходит к зеленому платью дамы и ее коричневым туфлям. Лично я недолголюбиваю такие модели, их нельзя повесить на плечо, у них отсутствуют ручки, приходится нести сумочку, зажав в руке. Но Раиса, видимо, любит клатчи и, в отличие от меня, не расстается с ним.

– Минуточку, а где взять машину? – спросил Леня.

– И лампочки, – добавил Николай.

– И метлу! – встряла Раиса Ильинична.

Сергей Павлович встал.

– Посидите тут пару минут, я отведу Татьяну на кухню, а потом покажу вам сарай, где находится инвентарь.

Когда мы с хозяином дома очутились в просторной комнате с «островом», Мануйлов показал на большую плоскую поверхность, в которой лежали гроздья темно-синего винограда.

– Пожалуйста, вот вам исходный продукт. Кастрюли, миски, разная утварь висят на стене и находятся в шкафах. Я на кухню заглядываю редко, поэтому могу дать лишь общую информацию. Справа техника: миксер, хлебопечка, комбайн, йогуртница, а что за прибор вон та штука, понятия не имею, но, наверное, он нужен, раз Светлана его купила. Сахар, соль, мука и прочее в шкафах. Масло, молоко, полагаю, содержатся в холодильнике. Дверь ведет в кладовку, там

хранятся овощи-фрукты-консервы.

- Кисель надо делать из винограда? – уточнила я.

Сергей Павлович взял из широкой миски ветку, усыпанную ягодами.

- Вы про сей фрукт? Это сирлис.

- Впервые слышу о таком, – призналась я.

Мануйлов облокотился на столешницу.

- Я болен, принимаю большое количество лекарств, они не лучшим образом сказываются на желудке. Чтобы не получить лекарственный гастрит, я должен каждый день выпивать литр киселя из сирлиса. Экзотические ягоды действительно похожи на виноград, но, в отличие от последнего, они твердые, их трудно не то что разрезать, а даже раздробить. Поэтому сирлис варят целиком. В Россию этот фрукт не поставляется, для меня его специально привозят. Видите, сколько запасов? – Сергей Павлович обвел рукой кухню. – Ваза около меня и большое количество плошек в разных местах, на подоконнике, на рабочих поверхностях.

- Наверное, это фрукт дорогой, вдруг я испорчу его? – испугалась я. – Меня нельзя назвать умелой поварихой. Апофеоз моих кулинарных ухищрений – куриный суп с лапшой.

- Не переживайте, – мягко произнес Мануйлов, – эта экзотика копеечная. Она великолепно переносит транспортировку, не портится месяцами. У меня есть приятель-летчик, который часто летает в Африку, ему ничего не стоит зайти на местный рынок и за доллар приобрести десять кило ягод.

- Почему же дешевый и полезный продукт отсутствует в Москве? – задала я логичный вопрос.

Мануйлов выпрямился.

– Таня, плоды африканского кустарника нельзя есть сырыми, их употребляют только в виде киселя, иначе вместо пользы желудку будет нанесен вред. Но даже отваренный сирлис невкусен, надо добавить в кисель сахар, лимонный сок, корицу, цедру апельсина и, конечно, крахмал. Кто из хозяек захочет возиться? Вокруг полно клубники, малины, черешни, смородины, сливы – эти ягоды и фрукты не требуют чрезмерной обработки, можно сорвать их с куста или дерева и сразу съесть. Сирлис нужен только очень больным людям. Ну, держайте! И пожалуйста, сделайте напиток побольше, я хочу угостить всех присутствующих.

На всякий случай я сказала:

– У меня нет и намека на гастрит, никакого дискомфорта в желудке я не ощущаю.

– Отсутствие симптомов не означает отсутствия болезни, – вздохнул Мануйлов. – Сирлис прекрасная профилактика назревающих проблем. Один раз съели, полгода не думаете о язве. Вы помните свою маму?

– Смутно, – ответила я, удивленная столь резкой сменой темы беседы, – отрывочно. Когда она умерла, я пошла в первый класс. Порой хочется мысленно увидеть ее лицо, но черты размываются.

– Зоя была счастлива в браке? – поинтересовался Сергей Павлович.

Я села на табуретку.

– И на этот вопрос не отвечу. Ребенку разобраться в нюансах отношений родителей трудно. Отец редко бывал дома, постоянно разъезжал по гастролям, но мама никогда не жаловалась на одиночество. Во всяком случае в моем присутствии.

– Зоя тосковала по мужу? – не успокаивался Мануйлов.

– Со мной она на эту тему не беседовала, – протянула я. – Была заботлива, читала мне сказки, шила для кукол платья. Мало кто из взрослых обсуждает свои интимные проблемы с детьми-дошкольниками. Хотя...

Я замолчала.

– Вы что-то вспомнили? Говорите! – обрадовался Сергей Петрович.

– Мама однажды рассказала, что ее знаменитый номер с шариком и луком придумал один очень талантливый артист цирка, – зачастила я. – Из мало кому известной акробатки мама вмиг взлетела до ранга звезды. Уже будучи взрослым человеком, я купила книгу «Классика советского цирка» и нашла там рассказ про Зою Сергееву и ее эротический комбинезон. Мне мамочка про него ни слова не проронила, говорила только про лук и стрелы. Очень смелая идея для ханжски-пуританских советских времен. Мама призналась, что тот актер предложил ей руку и сердце, но он не хотел иметь детей и предполагал жить на колесах. А мама мечтала о своем доме, о семье, поэтому отказала ему. И знаете, хоть я была совсем маленькой, но все же поняла: мама сожалеет о том, что не ответила тогда согласием. Думаю, она была влюблена в циркача, но устала жить по-цыгански, вот и расписалась с эстрадным певцом в расчете на стабильность. Уж не знаю, оправдались ли ее надежды. А откуда вы знаете мою маму?

Сергей Павлович выпрямился.

– Обязательно расскажу, но позднее. Сейчас, извините, должен уйти, надо заняться другими гостями.

Я осталась одна и начала изучать таинственный сирлис. Точь-в-точь черный виноград. Но на ощупь темно-фиолетовые ягоды оказались твердыми, они лишь слегка пружинили под пальцами. Я в задумчивости замерла у стола.

Значит, кисель. Ну и как его готовят? Мануйлов вскользь упомянул, что в него надо положить сахар, цедру апельсина, влить лимонный сок и добавить корицу. А еще потребуется крахмал. В памяти ожило воспоминание.

Вот моя бабушка насыпает в кастрюльку муку, наливает туда воду, ставит ее на газ, дает мне ложку и велит:

– Хорошенько мешай, пока не загустеет.

Потом она куда-то уходит, а я вожу столовой ложкой в белой жиже и недоумеваю, как та может стать вязкой. Большие часы на стене отсчитывают время: одна минута, две... Жидкость в ковшике не меняет консистенции. Мне делается скучно, к тому же ложка нагревается и жжет пальцы. Я перестаю мешать, делаю огонь посильнее, отворачиваюсь к окну, пару секунд разглядываю детей, весело играющих в мяч. Потом вспоминаю про варево, засовываю нос в кастрюлю и столбенею – вместо бело-серой жидкости в эмалированном ковшике теперь образовался неаккуратный комок. Я пытаюсь разломать его, появляется бабушка, с размаха отвешивает мне оплеуху и начинает причитать:

– Лентяйка, неумеха косорукая! Ничего тебе поручить нельзя! Одна беда от девчонки, клейстер упустила! Муки больше нет, надо в магазин за ней бежать. Не успею я окна заклеить, достанется мне от дочери с зятем. Придется тебе это съесть в наказание.

Я пугаюсь, плачу и прошу:

– Не надо, бабушка! Не хочу жевать твой клейстер!

Старушка переводит дух, ставит кастрюлю в мойку и посылает меня в магазин. Вечером, когда к бабке возвращается хорошее настроение, я спрашиваю:

– Разве клейстер можно есть?

Старуха усмехается.

– Что в нем плохого? Вода и мука! Положи туда сливочное масло и сахар – получится заварной крем, добавь протертую черную смородину с сахаром, будет пудинг. Если подлить смесь воды и муки к мясу, она станет соусом. Испугалась, что бабушка тебя отравит?

Я киваю и снова начинаю плакать. Старушка морщится.

– Сама глупость сделала, теперь рыдать затеяла. Хватит сырость разводить, ступай в комнату, почитай книжку.

А еще я помню, что бабушка крахмалила воротник и манжеты у рубашек отца, постельное белье и скатерти.

Сергей Павлович не повар, вот он и перепутал. В кисель, чтобы загустел, добавляют муку, крахмал используют только в хозяйственных целях.

Глава 7

Я не стесняюсь своего неумения готовить. Моего первого мужа нельзя назвать гурманом, да и наше финансовое положение не позволяло покупать деликатесы, поэтому на завтрак я варила геркулес, а на ужин картошку с сосисками. Вот когда мы поженились с Гри, проблема с деньгами отпала, зато у нас практически не было свободного времени. Поэтому я никогда не проводила часы у плиты, покупала полуфабрикаты, или мы шли в кафе. Такой изыск, как кисель, я никогда не варила. И не интересовалась, как он делается. Гри любил из напитков только чай и кофе, даже сок не пил.

В носу защипало, я сжала кулаки. Стоп! Воспоминания о Гри запрещены. Впрочем, у меня есть некий план, я теперь знаю, где мой супруг, и, если бы не приказ отправляться к Мануйлову, взяла бы отпуск, поехала к...[1 - О том, где сейчас находится Гри, кем он работает, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Версаль под хохлому», издательство «Эксмо»]. Я прижала руки к груди. Хватит, Татьяна, ты на работе. Займись изготовлением киселя. Есть шанс, что Мануйлов может оставить дочери Зои наследство. И, вероятно, приготовление загадочного сирлиса – одно из испытаний, придуманных для нее. Я должна разобраться, что затеял Сергей Павлович, вдруг он действительно ищет, кому бы вручить свое состояние? Нельзя подвести Таню. Вперед и с песней к плите!

Мука нашлась быстро. Я насыпала ее в миску, налила туда холодной воды и начала размешивать. Почему-то однородной массы не получилось, образовалось нечто, смахивающее на рисовую кашу. Я попробовала один комочек, он развалился на языке и превратился в муку. Меня охватило удивление.

Вот странность! Почему вода не растворила всю муку? И как теперь быть? Решение пришло быстро. Я увидела висящую на стене толкушку, схватила ее и стала разминать комочки. Через пять минут я устала и сделала неутешительный

вывод: однородной массы как не было, так и нет. Может, если муку с водой нагреть, она растает?

Сказано – сделано. Я быстро перелила «рисовую кашу» в ковшик, водрузила его на конфорку, памятуя бабушкин урок, пару минут без усталости размешивала варево, потом выключила огонь и начала изучать основу для киселя.

Комков стало меньше, но совсем они не исчезли. Может, так и надо? Неожиданно вспомнилась школьная столовая и толстая уборщица в грязном синем халате.

Вот она подходит ко мне и сердито говорит:

– Допивай кисель! Ишь, раскочевряжилась... Государство ее учит, бесплатный завтрак дает, а девка рожу от еды отворачивает. Голода ты не знала, я в твоём возрасте траву ела. Вот накажет вас, избалованных, Господь, придет война, станете камни грызть.

Я пугаюсь, хватаю оббитую эмалированную кружку и делаю большой глоток. Во рту оказывается скользкая, холодная гадость. Отхлебнуть «вкуснотищу» еще раз я не могу. Техничка смотрит на меня волком, я начинаю хныкать, и тут к столику подходит здоровенный парень, главный хулиган школы. В него, двоечника и второгодника, были влюблены почти все наши девочки, и даже я, третьекласска, смущалась, когда он проходил мимо на перемене. Он быстро переворачивает кружку, сиреневая вязкая лужа медленно расплзается по пластиковой столешнице.

– Извините, – говорит уборщице хулиган и подмигивает мне. – Опрокинул случайно, поставьте меня в угол. А чегой-то киселек пустой? Чегой-то он на соплях похож? Где ж ягодки в бульоне? Кто их домой сегодня отнесет?

Я отогнала воспоминания и опять уставилась в кастрюлю. Можете мне не верить, но вышеописанный случай был последним, когда мне довелось как пробовать, так и видеть кисель. И, если память меня не подводит, он представляет собой фрукты, которые плавают в полурасстопленном желе. Желе! Я взяла не те ингредиенты! Ну конечно, мне нужен желатин! Что за глупость использовать для десерта муку и воду?

Я кинулась к шкафчикам и начала их обыскивать. На полках стояли красивые фарфоровые банки, на которые производители, чтобы облегчить жизнь хозяйки, нанесли надписи «Соль», «Какао», «Рис» и так далее. На мой взгляд, замечательная идея, сразу видишь, где что лежит. Но на поверку оказалось, что на этой кухне в «Кофе» находится перец, гречка лежит в банке со словом «Мука», пшено вольготно разместилось в «Сахаре», а в «Специях» вообще хранятся пуговицы. Желатин в количестве десяти пакетиков нашелся в ящике. Я сначала обрадовалась, понадеявшись прочесть на обертке способ употребления, но, к сожалению, там был дан только рецепт желе из молока, который начинался словами «Разведите нужное количество желатина».

Я решила не сдаваться и включила логическое мышление. Прочитав слово «разведите», о чем вы подумаете? Правильно, о воде. Что же касается объема желирующего вещества, то в пакетики его мало, от силы три-четыре ложки. Сколько мне понадобится воды? В доме находится девять человек. Я кисель пить не стану, итого восемь. Ладно, Карла и Светлану можно не учитывать, значит, шесть. Каждому положен стакан. А желатина, думаю, нужно пакет на порцию? Нет, лучше положить побольше, использую все десять.

Я вынула из сушки красивую фарфоровую кружечку, отмерила ею объем воды по числу тех, кто будет пить мой кисель, налила воду в кастрюльку, высыпала туда же желатин из десяти упаковок и поставила емкость на огонь.

На сей раз долго мешать варево не пришлось, почти сразу оно стало прозрачным. Нахваливая себя за сообразительность, я выключила горелку. Ура! Основа готова! Что дальше? Немного сахара. Думаю, пары столовых ложек хватит. Теперь для аромата добавлю корицу. А что вон там, в крохотной баночке? Ванилин! Прекрасно, он чудесно пахнет. Нужна ли соль?

Я замерла у шкафчика. Вот уж интересный вопрос. Насколько мне известно, все блюда требуют соли. Но кисель-то десерт! Поколебавшись некоторое время, я все же чуть-чуть посолила содержимое кастрюльки. И тут заметила на полке небольшой пузырек с этикеткой «Гвоздика». Бросила в будущий киселек штук пять соцветий, потом настал черед натертого мускатного ореха.

Чем сильнее пахла прозрачная масса, тем большая гордость охватывала меня. Да у меня получается нечто совершенно восхитительное! Недавно, тоскуя в пробке, я слушала разные радиостанции и попала на интервью кондитера Селезнева. Помнится, он сказал, что главное для человека, стоящего у плиты, не

соблюдение всех кулинарных правил, не бездумное следование составленному кем-то рецепту, а творческий подход, вдохновение. Похоже, он прав. Вот я не знала, как сварить напиток, а сейчас приготовила потрясающее питье.

Минуточку, а ягоды? Ох, хорошо, что я вовремя вспомнила хулигана-восьмиклассника и его прозрачный намек на вороватость школьной поварихи. Чуть не забыла про загадочный сирлис. Где он?

Я повернулась, увидела на холодильнике красивую серебряную вазу, наполненную виноградом, и схватила одну кисть. Ну надо же, до чего сирлис похож на изабеллу, их легко перепутать. Правда, лишь до того момента, как возьмешь в руки. Экзотика очень упругая, кожица у нее смахивает на резиновую, и отщипнуть фиолетово-красную ягодку от ветви практически невозможно. Мне пришлось взять висевший над плитой секатор для разделки птицы, но даже он с трудом справился с задачей.

В конце концов мне удалось нарезать сирлис. Я тщательно помыла его, высыпала в ароматную смесь, перемешала, перелила все в большую керамическую миску и – приуныла. Пахнет кисель невероятно вкусно, ягод в нем завались, но он слишком жидкий! Желатина явно не хватило. Может, в шкафу найдутся еще пакетики?

Я присела и начала шарить на самой нижней полке. Черный перец, лавровый лист, фасоль, перловка, семечки, бутылки с оливковым маслом... Однако, Мануйлов запасливый хозяин, он легко выдержит в своем доме длительную осаду, продуктов тут завались. А что там, в самом дальнем углу, у стены? Довольно большая коробка с надписью «Желатин. 50 упаковок». Вот это здорово!

Встав на колени, я потянулась за коробкой и поняла, что мне надо буквально влезть в шкафчик – он слишком глубокий, моя рука не доставала до упаковки. Я попыталась выполнить маневр, однако мешала верхняя полка. Тогда я аккуратно освободила ее от содержимого, вытащила деревяшку, согнулась, вползла внутрь кухонного шкафчика, схватила желатин и вдруг услышала:

– Сергей Павлович, я вас нашла!

От неожиданности я вздрогнула и замерла.

– Анна, прошу вас, – произнес мягкий баритон Мануйлова.

– Красивая библиотека, – похвалила Хачикян.

Я наострила уши, сообразив, что звуки доносятся из-за стены, у которой находится шкафчик.

– Здесь газеты, журналы, комиксы и книги развлекательного жанра, – сказал владелец усадьбы. – Карл и Светлана большие охотники до детективной, приключенческой литературы, а еще они увлекаются кроссвордами. А вот на втором этаже, возле моего кабинета, находится библиотека классики и научной литературы. Раньше она была единой, но мне надоело постоянно слышать поздними вечерами шарканье прислуги, которая искала интересное для нее чтение, поэтому я проделал титаническую работу и выделил внизу помещение для периодики и прочего, это идеальное место. Слева кухня, справа бойлерная, теперь дворня может хоть ночь напролет топтать, я шума не услышу. Коттедж невелик, пришлось пожертвовать гардеробной, но покой дороже.

– Что вы, у вас огромный особняк, – с придыханием произнесла Аня, – я в таких не бывала. Смотрите, сколько народу здесь уместилось! Вы супервнимательный хозяин!

– Спасибо на добром слове, но спальни для гостей крохотные, в них всего по десять метров, – уточнил Мануйлов.

– Зато при каждой свой санузел, – продолжала восторгаться Анна. – Наверное, у вас часто остаются друзья?

– Нет, я веду почти затворнический образ жизни, – возразил Сергей Павлович. – Что-то случилось? У вас вид взволнованный. По какой причине вы хотели поговорить со мной наедине?

– А нас тут никто не услышит? – спросила Хачикян.

– С обеих сторон библиотеки нежилые помещения, – повторил хозяин, – говорите спокойно.

– Понимаете... Ох, не знаю, как начать! Но... те фото на комод... Вы еще сказали, что они единственные из семейных, – пролепетала Аня.

– Верно. Когда меня из московского детдома отправили в самостоятельное плавание, директор Алла Викентьевна отдала мне эти снимки и сообщила: «Они лежали в твоём деле, снабженные пояснением, что эти мужчина и женщина являются родителями то ли твоего отца, то ли матери. Имен на карточках не было». Я попытался выяснить правду, но деревня, где жили мои родители, находилась в немецкой оккупации. Фашисты пробыли в Подмосковье недолго, однако успели натворить черных дел. В частности, сожгли многие архивы. Никаких сведений о родственниках мне найти не удалось.

– И вы о них совсем-совсем ничего не знаете? – переспросила Аня.

– Именно так, – подтвердил Мануйлов.

– Ни имен, ни отчеств? – не успокаивалась Хачикян.

– Увы, это так, – горько вздохнул Сергей Павлович. – Одна надежда, что кто-нибудь из гостей, приезжающих ко мне, узнает этих людей, поэтому снимки и выставлены на виду. Хотя эта надежда тает с каждым годом.

– Вы воспитывались в детдоме на Радужной? – вдруг спросила Анна.

– Да. Откуда вы знаете? – удивился Мануйлов. – Его давно нет. Сначала здание снесли, чтобы построить ужасную блочную башню с убогими квартирами, затем и этот образчик социалистической архитектуры смели с карты Москвы, нынче там большой торговый центр.

– Вот так финт! – зачастила Хачикян. – В детдоме работала директором моя бабушка, ее звали Алла Викентьевна. Замечательная женщина!

– Да, Алла Викентьевна Мурова была не самым плохим человеком из встреченных мною, – после небольшой паузы ответил владелец усадьбы. – Я сменил несколько интернатов, поскольку отличался свободолюбивым характером и не хотел подчиняться правилам, но учился на одни пятерки. На Радужную я попал в четырнадцать лет, по детдомовским меркам, совсем

взрослым. До этого об меня, так сказать, обломали зубы несколько заведующих детскими учебными заведениями, все мужчины. Я набрался опыта в борьбе с ними, понял, что отличные отметки – мой щит. Несколько раз обозленные мужики пытались сбегать непокорного воспитанника в коррекционное заведение, хотели объявить меня имбицилом, но все их потуги разбивались о классный журнал, где по любому предмету, даже по труду и рисованию, у меня были сплошные пятерки. В то время я увлекался своеобразным видом спорта под названием «доведи взрослого до трясушки» и полагал, что испортить нервы Алле Викентьевне будет плевым делом. Хотя, замечу, глагол «увлекался» употреблен не к месту, он подразумевает некую самостоятельность, любительщину, я же был профессионалом, мастером спорта по данной дисциплине. – Рассказчик усмехнулся. – Но Алла Викентьевна оказалась недурным педагогом. Надя, ее дочь, училась со мной, мы сидели за одной партой. Так вы говорите, что являетесь внучкой Муровой?

– Да. И у нас дома стояли на пианино точь-в-точь такие фотографии, – ответила Анна. – Надя, которую вы упомянули, это моя мама. И она говорила, что люди в старинной одежде, изображенные на портретах, наши дальние родственники, имена которых неизвестны. Я пришла вам сказать, что мы, похоже, имеем общие корни. Получается, я ваша законная наследница. Правда, доказать родство не сумею. Мама давно умерла, а отца я не знаю, его имени никто из старших не произносил. Моя девичья фамилия Мурова, по матери, Хачикян я стала выйдя замуж, а после развода поленилась менять документы. Конечно, мне интересно, от кого я произошла на свет, но как найти отца, когда о нем ничего не ведомо? В юности я не понимала, почему мама не хочет назвать его имя, а потом сообразила: вероятно, она забеременела случайно, в результате мимолетной встречи. Ну, знаете, как бывает, столкнулись молодые люди на вечеринке, узнали лишь, как зовут друг друга, фамилии с отчеством не спрашивали, а утром парень убежал, пока девушка спала, побоялся скандала. Понимаете, как я обрадовалась, увидев снимки? Я ваша родственница!

– Ты права, деточка, – тепло произнес Мануйлов, – ты единственная законная претендентка, но есть нюансы, которые менястораживают.

– Какие? – жадно спросила Анечка. – Фото – свидетельство общей крови. Мама говорила, что на них запечатлены предки моего отца.

Мне стало смешно. Хачикян сначала сообщила, что никогда не слышала имени отца, предположила, будто является плодом случайной связи, и тут же поет про

снимки предков отца, которые ее мать держала дома на виду. Ну где у людей логика, а? Лгать надо уметь. И необходимо запоминать свою брехню, иначе получится, как сейчас у Ани.

- Дорогая, - чуть жестче, чем ранее, произнес Сергей Павлович, - мне не нужны свидетельства в виде отпечатков. Надя Мурова родила дочь от Сергея, бывшего воспитанника своей матери. Вот такой у нас пируэт получился.

Глава 8

- Вы мой отец? - ахнула Анна. - Ничего себе финт! Но почему... как... отчего вы не появлялись? Ага, я права! Оттянулись на тусовке и...

- Видишь ли, во времена моей юности вечеринки редко превращались в оргию, - недовольно перебил ее хозяин дома, - девушки были строгими, парни не такими распущенными. Большинство молодых людей конца шестидесятых - начала семидесятых были наивны в вопросах секса, и, можешь смеяться, мы страдали романтизмом, полагали, что нет поцелуя без любви. Во всяком случае я был таким. За пару лет до твоего появления на свет я, уже став артистом цирка, пришел на встречу одноклассников, увидел Надю и влюбился в секунду. В школьные годы соседка по парте не вызывала у меня никаких чувств, я в сторону Надюши даже не смотрел. А тут вдруг будто молния ударила в голову. Алла Викентьевна в принципе человек неплохой, но она не одобряла наших отношений. Какой матери понравится зять - нищий канатоходец, без семьи и даже минимального материального благополучия? Парень перекаати-поле, цыган по образу жизни, - и девочка из приличной московской семьи. Понимая, что старшая Мурова сделает все, чтобы разрушить наш альянс, мы с Надей скрывали нашу связь. Я мотался по всему СССР - стремился заработать денег на свое жилье. Надя училась в институте, получала стипендию, не тратила ее на мелкие радости - копила на наше будущее. При каждой возможности я мчался к ней, ехал на попутках, зайцем в электричках. Нам редко удавалось провести вместе ночь, но неожиданно Надя забеременела. Аборт она делать не хотела, скрывала растущий живот от матери, однако, как понимаешь, шила в мешке не утаишь.

Мануйлов вздохнул. Затем его голос зазвучал снова:

– Алла Викентьевна пришла в ярость, чуть не убила дочь, клещами выдрала из нее имя любовника и ужаснулась. Мало того, что ее Надюша обзавелась пузом до свадьбы, так еще и сделала ребенка с самым неподходящим кавалером! В очередной приезд в Москву я помчался на свидание к Наденьке, но вместо нее увидел директрису детдома и услышал ультиматум: я навсегда забываю о Надюше, в противном случае меня посадят за изнасилование. У Аллы Викентьевны было много знакомых, а ее супруг, отец Нади, занимал высокий пост в системе МВД, так что угроза в мой адрес была не иллюзорной. Кроме того, дама передала мне записку от дочери. Надя написала несколько фраз, общий смысл их был таким: я тебя разлюбила, ты поступил непорядочно с наивной девушкой, бросив ее одну во время беременности, занимаешься исключительно собой, не думаешь ни о будущем ребенке, ни об его матери, я приняла предложение от другого мужчины и прошу более меня не беспокоить. «Исчезни из моей жизни навсегда» – вот как заканчивалось послание Надюши.

– И вы ей поверили? – воскликнула Анна. – Ни разу не вспомнили о родной дочери? А сейчас, вместо того чтобы наконец-то вознаградить обездоленного, бедного ребенка, решили включить меня в состав сборной наследников? У нас есть шанс воссоединиться! Вам надо отправить всех домой и передать особняк, участок и прочее мне одной.

– А если я не захочу так поступить, что ты станешь делать? – осведомился Сергей Павлович.

– Буду преданно ухаживать за вами! – азитированно пообещала Хачикян. Потом не удержалась и с обидой добавила: – Я не то что некоторые, никого в беде не брошу, не обреку родного человека на лишения.

– Врешь, лапочка, – сурово произнес Мануйлов. – Я говорил всем кандидатам, что подыскиваю человека, который мне понравится. Основное условие – никакой лжи. Не терплю брехунов.

– Я всегда говорю правду! – опрометчиво заявила Аня. – Честнее меня только папа римский!

– Подозреваю, что у иерархов любой церкви полно шкафов, набитых скелетами, они мастера прятать концы в воду, – хмыкнул Мануйлов. – А ты лжешь без зазрения совести.

– В чем я вас обманула? – ринулась в атаку Анна.

– Ты намекала на свое тяжелое детство, упомянула голод и нищету, но Надя вышла замуж за директора крупного гастронома, Ивана Германовича Сайко. Он обожал падчерицу, одевал, как куклу, потакал всем ее капризам. Дочь Надюши не знала никогда обездоленной жизни, и сейчас одна проживает в трехкомнатной квартире в прекрасном районе, ездит на иномарке. Правда, ко мне в гости госпожа Хачикян приехала на такси, не захотела демонстрировать машину. Наверное, решила, что бедному человеку достанется больше. Вот про магазин старых тряпок ты сказала правду. Окончив исторический факультет, ты прекрасно разбираешься в антиквариате, тебя часто приглашают в качестве эксперта и хорошо платят. Но ведь денег всегда мало. Поэтому ты и соврала про фото?

За стеной возникла могильная тишина. Потом снова раздался голос Мануйлова:

– Ну же, наберись мужества и перестань рассказывать сказки. Ты сначала осторожно выпытала, известны ли мне имена и фамилии предков, а потом наплела, что у вас дома есть точь-в-точь такие же снимки. Подумала, я обрадуюсь и поверю в наше родство. Тебя удивили мои слова, что я воспитывался в детдоме, который возглавляла Алла Викентьевна, но ты, быстро сориентировавшись, повернула ранее неизвестный факт в свою пользу и стала намекать на какие-то семейные тайны. Анна, лжец по условиям соревнования сходит с дистанции, ему не положено даже яблочных огрызков.

Хачикян заплакала.

– Простите! Я... я...

– Ну, Анечка, рассказывай правду! – потребовал Сергей Павлович.

– Да, фотографий в нашей квартире не было, – выдавила из себя она.

– Молодец, – похвалил Мануйлов, – хорошее начало. А зачем тебе, вполне обеспеченной даме, надобны средства, а? Только не ври!

– У меня уже ничего нет, – всхлипнула Аня. – Магазин продан за долги, новый хозяин оставил меня директором, получаю копейки. Живу в старой квартире, где когда-то обитала вместе с мамой. И езжу на метро, машину на днях тоже продала. У меня тьма долгов, и если в ближайшее время я не оплачу их, придется продать апартаменты в центре, переселяться в спальный район.

– Прости, дорогая, – перебил ее Сергей Павлович, – но в твое ужасное положение верится с трудом. Тебя же приглашают оценивать мебель и предметы интерьера в самые фешенебельные дома, твой гонорар за услуги исчисляется тысячами, и не рублей. Так?

– Клиентов больше нет, – прошептала Анна, – уже пару лет никто ко мне не обращался.

– Почему? – заинтересовался Мануйлов.

– Кризис, – залепетала Хачикян, – люди не делают дорогих покупок.

– Чем больше врешь, тем скорее уедешь отсюда! – пригрозил Мануйлов. – А по какой причине ты развелась, а? Даю тебе последний шанс. Или говоришь правду, или – бай-бай, май лав, гуд-бай, май бэби.

Анна громко высморкалась.

– Ну... Арам пожилой... ему шестьдесят в день свадьбы стукнуло... а я молодая... и... в общем...

– Ты ему изменила? – предположил Сергей Павлович.

– Да, – выдохнула Анна, превратившаяся в допрашиваемую.

– Один разочек? – с хорошо слышимым ехидством уточнил хозяин дома.

– Нет, – призналась врушка.

– И сколько же раз ты ходила налево? – не отставал отец от дочери.

– Не помню, не считала, – огрызнулась та. – Меня мама за Арама силой выдала, я не хотела.

– Понятно... – протянул Мануйлов. – А что случилось в доме Арцыбашевых?

– Откуда вы знаете? – обомлела Анна.

– Ангел мой, я готовился к нашей встрече, – засмеялся владелец усадьбы, – собрал сведения о претендентах. Естественно, узнал, что ты моя родная дочь, и, признаюсь, не пришел в восторг, прочитав твое досье. Нет, все вроде нормально – диплом о высшем образовании, ты профессионал. Но! Ты, оказывается, обожаешь мужчин, теряешь голову при виде крепкого парня и тут же вешаешься ему на шею, готова отдаться в своем офисе или подстелиться под мужика в лифте. Нимфомания лечится трудно, но ты даже не делала попыток обратиться к специалистам, тебе нравится секс в любом виде и при любых обстоятельствах. Вот почему прекрасного, знающего, умного антиквара более не приглашают в приличные богатые дома – у тебя слава проститутки, охотницы за чужими мужьями и, что еще неприятнее, сыновьями. Ты падка на тех, кому едва исполнилось шестнадцать-семнадцать. Увы, чем старше становится сексуально разнузданная бабенка, тем моложе объекты ее влечения, ведь одногодки уже испытывают проблемы с потенцией, а вчерашний подросток – резвый конь. Ты нарушила неписаное правило, забыла про птичку, которая не гадит в своем гнездышке, положила глаз на детей богатых людей и моментально получила по лапам.

Анна заплакала, но слезы дочери не разжалобили Мануйлова.

– В твой магазин перестали заглядывать клиенты с толстыми кошельками, он разорился. Ты лишилась заработка, но не остановилась. И теперь покупаешь любовников – ходишь по клубам, выискиваешь симпатичных жеребчиков. Одна беда – красавице давно не двадцать, в глазах вчерашнего школьника она тетя Мотя, ровесница его матери. Вот и приходится заманивать мачо подарками. В ход идут часы, компьютеры, телефоны, короче – то, что нравится глупым, непорядочным парням. Дохода у тебя пшик, а расходы королевские. Катастрофа в этом случае неминуема, и она назрела. Теперь вопрос: почему ты решила, что я отдам честно заработанное шлюхе, которая врет, не краснея?

– Вы сами сказали, что являетесь моим родным отцом, – простонала окончательно деморализованная Хачикян.

– Это не аргумент! – отрубил Мануйлов. – Да, я хотел помочь. Несмотря на собранные факты, решил предоставить тебе шанс, включил в список наследников. И что? Мигом услышал ложь. Уезжай, Анна, ты не выдержала испытания.

– Пожалуйста, умоляю, простите! Разрешите еще попробовать! – зарыдала безнравственная дочурка. – Я не плохая, просто запуталась. Если получу деньги, тут же отправлюсь к врачу и вылечусь от сексуальной зависимости. Я все поняла! Хотите, встану на колени!

– Ладно уж, не надо, – сжалился Сергей Павлович. – Хорошо, пойду тебе навстречу. Но запомни: более ни одного слова неправды.

– Конечно, – всхлипнула Аня.

– И не смей вешаться на Николая, – сказал Мануйлов.

– Нет, нет! – испуганно зачастила Хачикян. – Он не в моем вкусе, старый уже.

– На безрыбье и рак рыба, – со смешком произнес отец сладострастной дамочки. – Полагаю, ты испытываешь интерес даже к Карлу.

– Нет, нет, – твердила Анна.

– Не лги! – крикнул хозяин дома.

Хачикян моментально призналась:

– Да, я могу лечь и с Карлом, мне трудно воздерживаться. Но я дала вам честное слово, значит, отвернусь от мужиков. Я сумею. Я справлюсь. Только не выгоняйте!

Мануйлов неожиданно подобрел.

- Верю. Теперь хочу задать тебе пару вопросов и жду на них откровенные ответы. Помни, капля вранья, и наследство пролетает мимо твоего носа. Ты ведь живешь в квартире матери?

- Да, - не задумываясь, подтвердила Анна.

- Там есть сейф?

- Да.

- Где он расположен?

- За картиной, в гостиной.

- Умеешь его открывать?

- Да.

- Что там хранилось?

- Деньги. Документы.

- Еще что?

- Все.

- Анна! Помни, ложь недопустима.

- Честное слово, - залепетала Хачикян. - Мама с отчимом ничего от меня не скрывали, наоборот, Иван Германович говорил: «Вдруг мы с Надюшей погибнем внезапно, запоминай, как сейф открыть».

- С какой стати им внезапно погибать? - удивился Мануйлов.

- Папа Ваня боялся автомобильной аварии, - пояснила Аня, - всегда садился в такси позади водителя. Еще опасался поездов, покупал билеты в хвостовой

вагон, считал, что он при крушении останется целым. А на самолетах и вовсе не летал.

Мануйлов тут же поставил диагноз:

- Похоже на психиатрическое заболевание.

- Нет, Сайко был нормальным, - возразила Анна. - И с ним ничего такого не случилось, умер от инсульта.

- Так что находилось в сейфе? - вернулся к прежней теме хозяин дома.

- Деньги, документы, - повторила дочь.

- Мама вела дневник? - задал следующий вопрос Мануйлов.

- Дневник? - поразила Аня. - В смысле записи о своей жизни? Нет.

- Может, твой отчим любил строчить в блокнотах? - не успокаивался Сергей Павлович.

- Ивану Германовичу это и в голову не могло прийти, - заверила Анна.

- После смерти Сайко куда подевались его вещи? - наседал Мануйлов.

- Мама отнесла одежду в церковь, часы отдала нашему соседу, который помогал с похоронами, а его жена получила картину, пейзаж, - перечислила Аня, - остальное дома. Но оно же общее, посуда и всякие хозяйственные вещи.

- Надежда умирала в сознании? Она успела с тобой проститься, отдала последние указания? - продолжал допрос владелец усадьбы.

- Мама понимала, что жить ей осталось недолго, - грустно объяснила Хачикян, - она просила меня выйти замуж, родить двух детей...

- Может, она что-то передала тебе на хранение? - нервно перебил Мануйлов.

– Ну, да, документы, драгоценности, – забубнила Анна.

Тут же последовал вопрос:

– А письма или дневники?

– Не-а, – по-детски отреагировала дамочка, – не было такого. А что вам надо?

Глава 9

– Небольшую книжечку темного цвета, – после некоторого молчания признался Сергей Павлович. – Она карманного формата, в твердом переплете. В ней много страниц из бумаги необычного качества золотистого цвета. Помнишь, я говорил, что приглашал на свидание Надю, а вместо нее явилась Алла Викентьевна и передала мне прощальное письмо от нее? Так вот, спустя года два я вернулся из очередных гастролей в Москву, решил хоть одним глазком взглянуть на дочь, позвонил Наде и попросил показать мне ребенка. Твоя мать категорически отказала. Сейчас расскажу подробно...

Разговаривала Надя с бывшим любовником по телефону сквозь зубы, подчеркнуто вежливо, называла на «вы». Но в какой-то момент не справилась с ролью и зло воскликнула:

– Ты подлец! Бросил меня за пару недель до родов, написал ужасное письмо. Как ты мог нацарапать фразу: «Надеюсь, ты удачно выйдешь замуж за обеспеченного человека, он будет заботиться о тебе и о ребенке»?

Я тут же ответил, что даже не слышал о послании, и ей негоже обвинять меня в том, что совершила сама. Мол, до сих пор храню ее записку, в которой она отрекается от меня.

Надя закричала, что я вру, мы поскандалили. Потом остыли и решили встретиться, чтобы окончательно расставить все точки над «і».

Стоял очень теплый июнь, свидание было в парке. Мы сели на скамейку, я протянул Наде листок с ее каракулями. Она взяла бумажку и мигом вскрикнула:

- Это не я писала!

Я всегда не переваривал лгунов. Ранее, во время нашего романа, Надюша никогда не говорила неправду, но спустя два года после разрыва она здорово изменилась. Я почувствовал отвращение к Наде, сказал ей:

- Глупо врать. Я отлично знаю твой почерк. Ты решила разорвать наши отношения, но побоялась честного, откровенного разговора и отправила ко мне мать в качестве почтового голубя. Зачем сейчас отрицать очевидное?

Надя открыла сумочку и протянула мне конверт.

- Ты, как обычно, усвистел со своим цирком, прыгал на канате, купался в аплодисментах, а меня положили на сохранение. Сообщить тебе о том, что нахожусь в больнице, я не сумела, плакала целыми днями в палате от тоски. А потом мама передала мне твое послание, в котором черным по белому было написано: не готов к браку, не хочу жить в Москве, намерен и далее кататься по городам и весям, а ты выходи замуж за достойного человека и забудь меня.

Я вытащил из конверта письмо и остолбенел – оно было написано моим почерком.

Наше свидание закончилось плохо. Надя показала на палку, на которую я опирался, и спросила:

- Почему ты хромаешь?

Пришлось признаться, что я упал с каната, сильно повредил бедро и сейчас нахожусь в сложном положении. Врачи обещают через некоторое время восстановить подвижность ноги, но выступить на арене я не смогу, мне придется осваивать другую профессию.

Надя сжала кулаки и неожиданно накинулась на меня. Превратилась в натуральную фурию! Кричала, что я подлец, отрекся от нее и дочери, трус,

приславший ей гадкое письмо. Два года я не думал ни о ней, ни о ребенке, а сейчас, когда жареный петух в темечко клюнул, решил устроить свою судьбу, задумал возобновить отношения и вновь закрутить роман, получить супругу и готовую доченьку. А поскольку я понимаю, что некоторые обиды не прощаются, то написал от лица Нади сам себе письмо и пытаюсь представить дело так, словно кто-то два года назад нас нарочно развел.

Я пытался вставить хоть слово в поток ее обвинений. Куда там! Надя твердила, как заведенная: она никогда не отправляла мне никакого послания, а я мерзавец, накропавший обе цидульки. Потом она встала с лавки и объявила:

– Не смей никогда даже думать обо мне! Через пару недель я выхожу замуж за прекрасного человека, он меня добивался еще с институтских времен. А я, дура, отсылала Ивана прочь, считала его стариком, любила тебя. И что? Ты ни разу дочери яблочка не купил, а Ваня нас содержит, к лучшим врачам Анечку определил, покупает ей вещи, игрушки. В общем, так. Анна не твоя дочь, а Ивана. А ты сволочь!

На том мы и расстались.

Меня вся эта история очень больно задела, я после того разговора в парке решил жить холостяком, детей не заводить. И слово, данное самому себе, сдержал. О бывшей невесте я не думал, запретил даже вспоминать о ней и нашей былой любви. И вдруг, спустя довольно долгое время, Надежда неожиданно позвонила. Беседовали мы по телефону, у Надюши уже не было сил, чтобы самостоятельно передвигаться по городу. Она и говорила с трудом, но смогла-таки все мне поведать.

Иван к тому времени умер. Алла Викентьевна скончалась после зятя и перед смертью покаялась дочери в том, что сотворила.

Сайко очень нравился старшей Муровой – солидный, обеспеченный мужчина, обожающий Надю, с таким ее дочь всегда будет как за бетонным забором. Иван готов жениться на ней и воспитывать ребенка, которого она родит, как собственного, потому что сам бесплоден. Но только глупая Надя воротит нос от своего счастья, намерена связать судьбу с голытьбой, санкюлотом, канатоходцем. Алла Викентьевна станет тещей балаганного артиста, нищего циркача, парня без денег и положения в обществе. Вот так позор! И как

отвернуть дурочку от неподходящей партии?

Алла Викентьевна решила откровенно поговорить с Иваном, и у них родился план. Сайко умел прекрасно подделывать чужой почерк, он и состряпал два письма, которые его будущая теща передала мне и своей дочери. Надя поверила в коварство бывшего возлюбленного, а я, насмерть обиженный невестой, уехал из Москвы на длительные гастроли. Надя не сразу согласилась расписаться с Иваном, пару лет колебалась, поскольку никогда не любила Сайко. Но верность кавалера, нежно заботившегося о ней и девочке, плюс постоянно повторяемые матерью слова о порядочности и богатстве немолодого претендента на ее руку возымели действие.

И Алла Викентьевна, и Иван тщательно хранили тайну. Старшая Мурова открыла ее дочери, лишь стоя одной ногой в могиле. Не желала умирать с грехом на душе.

Надя была потрясена сообщением, хотела тут же звонить мне, но ее остановила мысль об Анечке. Та, конечно, в курсе, что Иван ей отчим, но дочка очень любит его, считает родным батюшкой. И как сейчас нанести Ане травму? Стоит ли рассказывать ей, что совершили много лет назад бабушка Алла и папа Ваня? Аня очень эмоциональна, эта информация может навредить ее здоровью.

И Надежда решила оставить все, как есть. Лишь смертельно заболев, она позвонила и открыла мне правду.

Мануйлов замолчал.

– Какая страшная история... – пролепетала Аня. – Сколько горя вам причинили бабушка и папа Ваня. Мама тоже хороша. Как она могла поверить той записке?

– Так уж вышло, – горько произнес хозяин дома.

– Вы из-за них остались без семьи, живете один, – всхлипнула Аня. – Мне так вас жаль.

– Если ты испытываешь ко мне добрые чувства, то скажи, где спрятана книжка, – велел Мануйлов. – Полагаю, ее хранили в сейфе.

– Там были только деньги и разные документы, – возразила Аня. – А зачем вам книжонка? Что в ней хорошего?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О том, где сейчас находится Гри, кем он работает, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Версаль под хохлому», издательство «Эксмо».

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/vsem-sestram-po-mozgam>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)